

Анатолий БЕЛОЗЕРЦЕВ

РАССТРЕЛЯННАЯ ОСЕНЬ

Очерки о событиях 1991 – 1993 годов

Челябинск
«Алое Поле»
2003

Художественно-публицистическое издание

Новая книга челябинского прозаика и публициста Анатолия Белозерцева рассказывает о драматических переломных моментах в судьбе нашего Отечества – августовских событиях 1991 года и осени 1993-го. Он повествует о них с высоты сегодняшнего дня, исследуя факты, приводя фрагменты из книги депутата Государственной думы РФ Татьяны Астраханкиной «Кровавый октябрь 93-го», воспоминания и высказывания известных общественных деятелей, писателей, публицистов, а также наших земляков – активных участников тех событий. Автор пишет о событиях, происходивших в те дни и в Москве, и у нас в Челябинске. Он сам принимал непосредственное участие в них, поэтому его очерки, скорее, представляют заметки участника тех памятных событий.

В книге широко использованы карикатуры копейского художника Александра Кибальника, работы московских фотожурналистов Майи Скурихиной и Владислава Парадни, автора сборника, челябинских фотокорреспондентов Бориса Мочалова, Николая Кольцова, Анатолия Колющенко и др.

Вместе с оригинальными рисунками и уникальными фотоснимками новая творческая работа А. Белозерцева представляет несомненный интерес для широкого круга читателей, особенно для тех, кто стремится познать правдивую, неприглаженную в угоду нынешним «реформаторам» историю нашего времени.

ISBN 5-85070-109-X

Содержание

Об авторе

ЦВЕТЫ К ВЕЧНОМУ ОГНЮ. Слово к читателю

ПУТЬ К РАЗВАЛУ

НА СОВЕСТИ ПЯТОЙ КОЛОННЫ

ВМЕСТЕ С ДРУЗЬЯМИ «ПРАВДЫ» И «СОВЕТСКОЙ РОССИИ»

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПАРТИИ

ПРЕДГРОЗОВАЯ АТМОСФЕРА

РАСПРАВА

А ВЫ СПРОСИЛИ У РЯЗАНСКОЙ СИНИ?

ЕЛЬЦИН ИДЕТ ВА-БАНК

КОМИТЕТ ПО ЗАЩИТЕ КОНСТИТУЦИИ

«ПРЕМУДРЫЕ ПЕСКАРИ»

Татьяна АСТРАХАНКИНА. КРОВАВЫЙ ОКТЯБРЬ 93-го

КАК НАС РАССТРЕЛЯЛИ. Свидетельствуют наши земляки, защитники Дома Советов

ЛЮДИ ЛОЖИЛИСЬ ПОД ТАНКИ

РОССИЯ – В КАЖДОМ ИЗ НАС! Беседа с В.В. Сорокиным

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ОБОСТРЕАЕТСЯ

РАЗВЯЗКА

Юрий ХОЛЩИГИН. ДНИ НАДЕЖД, БОРЬБЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Анатолий БЕЛОГЛАЗОВ. ПРОВЕРКА ЧЕСТНОСТИ

ВСЕМ СТРАХАМ ВОПРЕКИ. Беседа с Л.А. Поповой

А ЖИЗНЬ ИДЕТ... Эпилог

Об авторе

Анатолий Константинович Белозерцев – член Союза писателей России, с 1998 по 2001 годы возглавлял Челябинскую областную писательскую организацию. Сейчас он – председатель совета Уральской ассоциации писателей-патриотов. Автор четырнадцати книг прозы, публицистики и стихов. Книга “Расстрелянная осень” – пятнадцатая в его творчестве. Это – книга-солдат, книга-боец за лучшее будущее нашего Отечества.

Известный русский поэт, наш земляк Валентин Сорокин в газете “Патриот” (за август 2003 г.) так отозвался об А. Белозерцеве и его творчестве:

“Отменно работающ и наступателен Анатолий Белозерцев. Известнейший на Урале журналист, публицист, рассказчик, поэт, общественный деятель и неугомонный патриот России:

“Нужна мне верность высшей пробы,

Чтоб друг не отводил глаза”...

Рассказы и очерки, статьи и стихотворные зарисовки Анатолия Белозерцева лиричны, просты, слова и строки наполнены искренними чувствами и светлыми надеждами на лучшее. Ведь юность и зрелость Анатолия Белозерцева, весь уклад его раздумий и поступков сопровождался ощущением сиротства – отец погиб на войне, и потому он четок, верен: не юлит перед грабителями России, не алилуйничает перед купленными политиками. Бедность и горе, честность и достоинство – кредо, нажитое и пережитое, осмысленное ныне призванием:

*“Врагами предан был проклятью –
Но я уверовал в него
И шел за ним, как на распятье
Во имя Бога самого”.*

Виден характер и воля видна автора. Упрямый и справедливый, в дружбе надежный, Анатолий Белозерцев – один из руководителей Челябинской областной писательской организации, сумевший помочь ей и авторитетно передать ее в руки Сергея Семянникова, прочного и вдохновенного певца...”

ЦВЕТЫ К ВЕЧНОМУ ОГНЮ

Слово к читателю

Каждую осень 4 октября возле Вечного огня, что в сквере Добровольцев Челябинска, собираются люди, которым не безразлична судьба нашего Отечества, которые помнят незабываемые события, происходившие осенью 1993 года, возлагают хвойные гирлянды и живые цветы к Вечному огню в память о тех, кто погиб при защите Дома Советов в Москве в сентябре-октябре того трагического года. Эта церемония напоминает мне воинские почести, отдаваемые в честь погибших воинов. Лично для меня они – беззаветные защитники Советской власти, солдаты моей Родины. Среди тех, кто защищал Дом Советов, было несколько наших земляков – южноуральцев. Я почти всех их знаю. По-разному сложилась их судьба за последнее десятилетие. Но жизнь одного из них – моего соратника по партии Владимира Певцова, члена бюро Челябинского обкома КПРФ – оборвалась буквально через пару лет после того, как он с оружием в руках, на холодном бетонном полу отстреливался от наседавших на них нанятых головорезов. Сильно простыл, долго болел. И не выжил. Лично я возлагаю осенние цветы и в память моего товарища Володи Певцова.

В октябре 2002 года, выступая на митинге в память о той кровавой осени, я дал слово, что к 10-летию тех событий непременно выпущу книжку и вручу ее каждому, кто придет через год на митинг к Вечному огню. Свое слово я решил выполнить во что бы то ни стало.

В канун 10-летия этих событий хочу подробнее вспомнить о них, тем более, что в моих записных книжках, сборниках уже есть некоторые наброски и фрагменты. Мне осталось собрать их воедино, углубить, дополнить фактами, о которых мне не было известно раньше, и представить на суд читателей, особенно молодых. Ведь вам, молодые, еще жить да жить, и вам нужно знать всю правду о нашем времени, какой бы трагической она не была.

Прекрасно понимаю, не всегда хочется читать о горьком и трагическом, гораздо приятнее – о чем-то светлом и добром. Но, увы, такова уж наша реальная действительность, что приходится возвращаться и к черным дням в истории нашей страны, в судьбе каждого из нас.

Все, о чем поведаю в этих очерках, ни коим образом не претендует на истину в последней инстанции. Это не заметки историка. Скорее, это мое личное, эмоциональное восприятие событий той поры. Журналиста, прозаика, поэта. Потому и жанр повествования выбрал такой, где заметки очеркиста будут перемешаны деталями прозы, а кое-где и публицистическими стихами. Я решил написать о том, что меня до сих пор волнует и тревожит, не дает покоя ни днем, ни ночью. В своей книге буду обращаться к тем или иным источникам, известным и доступным мне, чтобы быть более достоверным и правдивым, к воспоминаниям близких мне по духу соратников и единомышленников. Я включил в свой сборник фрагменты из книги коллеги по перу, депутата Государственной думы РФ Татьяны Астраханкиной, у которой был несколько лет помощником. Ее книга издана по инициативе фракции коммунистов Госдумы, она называется «Кровавый

октябрь 93-го». И если кто-то из вас обнаружит в моем сочинении субъективность, да пусть простит меня: я написал о том, что подсказали мне мой разум, израненные душа и сердце.

ПУТЬ К РАЗВАЛУ

Сначала предлагаю обратиться к событиям, которые предшествовали расстрелу Верховного Совета. Убежден: не было бы контрреволюционного переворота в августе 1991 года, не было бы и кровавой развязки осенью 1993-го.

Никогда не забыть тех тревожных августовских дней. Заявление ГКЧП о введении в Москве Чрезвычайного положения я воспринял с вздохом облегчения и надеждой. Сколько можно катиться в пропасть? Когда-то нужно положить всему этому конец. Политика Михаила Горбачева, взявшего за приоритет «социализм с человеческим лицом», а на самом деле ориентир на западную модель устройства общества, явилась не чем иным, как предательством наших гуманных идей, завоеванных Великим Октябрем. В глазах Запада Горбачев выглядел реформатором всех времен и народов, а на самом деле он сдавал одну позицию за другой. Душой и сердцем я чувствовал, что мы предаем заветы Ленина, все то, за что сложили головы наши деды и отцы в годы Великой Отечественной.

Летом 1987 года я занимался на курсах повышения квалификации редакторов книжных издательств (я работал в то время редактором Южно-Уральского книжного издательства). В ту пору я еще не был коммунистом, но всей кожей чувствовал, что все идет к откату. На занятиях по обществоведению, которые вел профессор, доктор философских наук Виктор Васильевич Трушков (тот самый, который сейчас активно выступает со страниц «Правды России» и других патриотических газет), он искренне уверял нас, что никакого отката назад нет, что мы выбрали верную модель – «социализма с человеческим лицом». Из группы всего двое – я и еще один парень, кажется, из Гомеля – позволяли себе остро и нелюбезно спорить с профессором о политических событиях того времени, всегда оставались при своем мнении. Слава Богу, это не возбранялось, но и не приветствовалось.

В конце учебы с нами, редакторами ведущих издательств страны, редакций газет, радио и телевидения, встретился Михаил Федорович Ненашев, который в ту пору был непосредственным руководителем нашего ведомства – председателем Госкомиздата СССР. Он вел непринужденную беседу, охотно отвечал на самые жгучие вопросы. Но когда Михаил Федорович прочел мою записку примерно следующего содержания: «До каких пор мы будем сдавать идеалы социализма и уступать перед частным капиталом? Ведь наши отцы и матери воевали совсем не за то!» – Ненашев буквально взвинулся и наговорил кучу обидных слов. Не ручаюсь за точность изложения, но он сказал примерно так: «Ну и скажите, пожалуйста, где мы с нашими принципами и идеалами оказались? На задворках цивилизации. Надо смелее отвергать догмы, бесстрашно смотреть правде в глаза, искать пути выхода из кризиса». На первый взгляд, все будто бы верно. Нельзя не согласиться с тем, что «надо смелее отвергать догмы, бесстрашно смотреть правде в глаза, искать пути выхода из кризиса». Но при этом зачем отвергать святая святых – наши принципы и идеалы? Ведь более гуманных принципов и идеалов, чем социалистические, история еще не придумала и вряд ли придумает.

Шел восемьдесят седьмой год – перестройка в разгаре. В Москве созданы первые частные рестораны, кафе, предприятия бытового обслуживания. Американские журналисты не стеснялись называть вещи своими именами – они называли их капиталистическими предприятиями. Выходит, что мы уже вступили одной ногой на путь капиталистического развития. Это я понимал, Это прекрасно понимал и М.Ф. Ненашев,

которого я хорошо знал по Южному Уралу – всего несколько лет назад он был секретарем Челябинского обкома по идеологии и требовал от коммунистов верности социализму не на словах, а на деле. Выслушав от него упреки в свой адрес, я задумался: когда был искренен, правдив Михаил Федорович – тогда, в Челябинске, или здесь, в Москве? Я увидел перед собой совсем иного деятеля – яростного перестройщика, настоящего горбачевца. Он был таким же запальчивым и искренним, как и несколько лет назад. Может быть, так и полагалось вести себя в его министерском ранге, иначе вылетишь из обоймы? Может быть. Только Ненашеву-перестройщику летом 1987 года я не поверил. Знаю, сейчас он возглавляет крупнейшее издательство «Русский дом», издает хорошие патриотические книги, например, о бывшем первом секретаре Челябинского обкома Николае Николаевиче Родионове, дневники и письма уральской поэтессы Людмилы Татьяничевой, с удовольствием читаю их. Не знаю, как нынче относится Михаил Федорович к Горбачеву, к переходу в «рыночную экономику», осуждает нынешние реформы или воспринимает как свершившуюся реальность, но в данном случае я рассказываю о том, что было, чему сам свидетель, а из песни, как известно, слов не выкинешь.

Пусть в глазах прогрессивной публики я останусь ретроградом, закоренелым консерватором, но все, что случилось, я воспринимаю как великую беду для нашей страны и нашего народа. Я был и остаюсь верным социализму, и все, о чем я пишу в этой книге и стану писать в других, я буду описывать с позиций социалистических, в моем понимании с позиций объективных и правдивых. Не обессудьте!

И вот как насмешка над нашей «откатной» политикой, над нашей мягкотелостью и несостоятельностью, именно в июньские дни 1987 года на Красной площади приземлился на спортивном самолете немецкий пилот-спортсмен Руст. Это было издевательство над нами. Помню, Горбачев тут же снял Министра обороны маршала Соколова, отстранил от должности других важных персон, но принципиальных выводов из этого факта он так и не сделал. Страна продолжала катиться к развалу. Этому способствовали и подпевалы из окружения Горбачева: Яковлев, Шеварднадзе и т.д. Этот разрушительный процесс уже невозможно было остановить.

А тут еще со своей настырностью и напористостью двинул против интересов страны и социализма беспальный Б. Ельцин (даже не могу назвать его по имени-отчеству). Вот ирония судьбы: наверное, во всем мире не было такого Иуды, как эта гнусная мразь. Во имя личных амбиций предать интересы государства, всего народа – это ли не верх цинизма и безумия?

Могут возразить, дескать, поначалу Ельцин выступал с истинно демократических позиций, защищал от вскормленной, коррумпированной верхушки интересы трудящихся. Признаться, так в 1987-1988 годах думал и я. Из Москвы к нам, на Южный Урал, приезжал наш земляк поэт Валентин Сорокин, он с восторгом рассказывал, что настоящие патриоты в Москве собираются в поддержку первого секретаря МКГ партии Б. Ельцина, из рук в руки передают стенограммы его выступлений на заседаниях Московского комитета партии, ставшего на какое-то время своеобразным Смольным в нашей партии. В выступлениях Ельцина той поры предавались огласке факты коррупции и взяточничества, охватившие столичные круги. Недавно один мой знакомый, хорошо известный в Челябинске хирург поведал историю, как он с восторгом читал выступление Ельцина о метастазах бюрократии, взяточничестве и коррупции, захвативших здравоохранение в столице. Выходит, Ельцин, как Наполеон, был какое-то время революционером, а потом сам же и предал дело, которому служил.

В 1989 году Ельцин впервые оказался в Соединенных Штатах Америки, куда он, опальный бывший кандидат в члены Политбюро попал по приглашению организаций, несколько не сомневаюсь, тесно сотрудничавших с ЦРУ. Выступая перед студентами и олигархами, он буквально оплевывал свою страну, вслед за тогдашним президентом США Рейганом называл СССР тоталитарным государством и т.д. в этом же духе. Услышав по «Голосу Америки» одно из его выступлений, я ушам своим не поверил: «Вот тебе и

уралец! Вот тебе и кандидат в члены Политбюро!» В моем сознании буквально померкло все, что делал этот двурушник до сих пор.

Именно предательство Ельцина подвигнуло меня на то, что в конце 80-х годов я, почти в 50-летнем возрасте, вступил в КПСС. Это произошло сразу же после XIX Всесоюзной партийной конференции, на которой Ельцин – этот двуликий Янус – публично выбросил на стол президиума партийный билет и, как артист из плохой художественной самодеятельности, с гордо поднятой головой покинул зал заседаний. В Советском райкоме партии, в котором должны были утвердить решение нашей первички о моем приеме, перед дверью зала, в котором шло заседание бюро райкома, толпились в основном секретари, пришедшие с протоколами о роспуске своих организаций. И когда зачитали мое заявление о вступлении в КПСС, первый секретарь Валентина Николаевна Коршунова с удивлением спросила: «Вы что, серьезно в такое кризисное время решили вступить в партию?» Я ответил: «Когда крысы покидают корабль, кто-то должен на нем оставаться».

Весной 1991 года Южно-Уральское книжное издательство, в котором я работал редактором отдела пропаганды, выпустило книгу доморощенного «писателя» Ельцина «Сочинение на заданную тему». Прочитав ее до выхода массовым тиражом, я заявил на партийном собрании: «Мы с вами сделали первый шаг к развалу нашей страны». Мое заявление восприняли с иронией, как заявление юнца. Меня удивило, что одним из инициаторов выпуска этой книги явилась директор издательства Петрова, бывший инструктор горкома партии. Возможно, она выполняла социальный заказ, ведь до назначения ее директором ЮУКИ, она бок о бок трудилась с Вадимом Соловьевым, первым секретарем горкома партии, который в ту пору уже прослыл первым демократом в Челябинске, ярким сторонником Ельцина. И не случайно, спустя несколько месяцев, в нашей партийной организации нашлись люди, которые предложили распустить организацию. Я воскликнул от всей души: «Что вы делаете? Ведь всего год назад вы принимали меня в партию, а теперь предаете ее!» Мне ответили: «Но из партии уже вышли многие». – «А я останусь, если даже выйдете вы все». Меня поддержал мой старший редактор Александр Моисеев, который давал мне рекомендацию. Наше решение остаться в партии повлияло на остальных.

И даже тогда, когда произошли спровоцированные события августа 1991 года, после которых Горбачев принял Указ о роспуске КПСС, я лично для себя принял решение – с партией не расстанусь. Ведь мой отец был коммунистом, в августе сорок первого с оружием в руках ушел защищать Отечество, а значит нашу семью и меня, тогда совсем еще крохотного младенца, а в январе сорок второго погиб под Козельском с партийным билетом в солдатской гимнастерке. Моя мать в детстве была пионеркой, в юности комсомолкой. Вместе с отцом в далекие двадцатые годы прошлого столетия они, поженившись, вступили в первую коммуну, созданную в Татарии, которая называлась «Заветы Ильича». Они вступили в коммуну, чтобы строить новую жизнь. Я всегда гордился своими родителями-коммунарами. И вот теперь, из-за предательства группы оборотней, оказавшихся в руководстве КПСС, вдруг предать идеалы отца с матерью? Нет, на такое я не способен! И сейчас, когда выступаю в печати или с трибуны собраний, говорю о необходимости быть честным и принципиальным коммунистом, то вижу ухмылки на лицах некоторых своих соратников, слышу язвительные усмешки в свой адрес. Некоторые считают, что я чересчур наивный, а ведь мне уже за 60. А один из приближенных Вадима Соловьева, в течение пяти лет правившего нашей областью, откровенно признался: «Знаешь, как называли тебя в соловьевской команде? Октябренком...» Что ж, я горжусь тем, что меня так высоко оценили мои оппоненты. Считаю, быть октябренком то же самое, что и коммунаром.

НА СОВЕСТИ ПЯТОЙ КОЛОННЫ

Вернусь к событиям августа 91-го.

Повторяю, когда я услышал по Московскому радио заявление ГКЧП о введении в Москве чрезвычайного положения и наведения в стране порядка, я облегченно вздохнул: слава Богу, наконец-то будет покончено с анархией – матерью порядка. Но, как показали дальнейшие события, или гэкачеписты действовали нерешительно, или метастазы разложения Советского государства проникли в организм так глубоко, что уже ничего нельзя было сделать – только результаты выступления ГКЧП мы хорошо знаем: Ельцин и его сторонники, воспользовавшись нерешительностью гэкачепистов, взяли инициативу в свои руки (а терять ЕБНу действительно было нечего!), в результате одержали победу. Хорошо помню события тех трех дней в Челябинске. На площади Революции собралась группа воинствующих демократов, она с утра до позднего вечера митинговала. Ораторы, сменявшие один другого, как из ушата, обливали грязью партократов и Советскую власть, призывали помочь Ельцину в его «мужественной» борьбе. Запомнилось возбужденное выступление одного из активистов-демороссов: «Вадим Соловьев только что связался по телефону с Белым домом, переговорил с Ельциным, предложил ему помощь людьми и оружием. Борис Николаевич отказался: «Пока не надо, сами справимся». Как видим, демократы местного разлива совсем не дремали в эти дни, даже вели речь о вооруженной поддержке ельцинистов. Один из патриотов попросил слово у микрофона, ему дали. Он стал говорить о том, что обострившаяся ситуация в Москве спровоцирована пятой колонной, что нам, уральцам, надо сплотиться, ни в коем случае не поддаваться на провокации так называемых «друзей народа» (он имел в виду демократов) и поступать разумно, спокойно делать свои дела. Разъяренные демократы освистали его и тут же проводили с трибуны. Больше такой оплошности они не допускали, никого из «чужих» к микрофону не подпускали, говорили только сами. Я увидел самую настоящую бесовщину и удалился.

Спустя три дня ГКЧП свергли. В заварухе, которая царил на площади перед Белым домом, погибли трое ни в чем не повинных парней – демократы тут же объявили их жертвами тоталитарного режима, присвоили им звание Героев России. А руководители ГКЧП оказались в «Матросской тишине». Министр МВД СССР Пуго застрелился с женой, маршал Ахромеев, не выдержав гнусности измены кучки негодяев государству, которому он присягал, покончил жизнь самоубийством (а может быть, ему помогли это сделать). Наверное, были и другие жертвы, неизвестные автору.

Челябинские демократы тоже торжествовали. Вадим Соловьев, председатель городского Совета, и его сторонники отдали распоряжение прокуратуре прекратить уголовное дело, возбужденное против предпринимателя Кичеджи – прокуратура тут же исполнила распоряжение «победителей». Он был объявлен жертвой ГКЧП. По местному радио выступали одни демократы – участники августовских событий, происходивших в областном центре. Накал их страстей возрастал. Один из них сгоряча предложил при горсовете создать комиссию и расследовать, кто из руководства и чем занимался 19-22 августа. Словом, призывал создавать необычайные тройки. Какую бы они создали атмосферу, нетрудно догадаться. За год до этих событий возле одного из коллективных садов нашли труп таксиста. На нем – записка: «Он был коммунистом». Такие самосуды могли приобрести массовый характер. Слава Богу, это не произошло, но атмосфера психоза и отмщения коммунистам, царившая в городе, была удручающей.

В Москве хоронили троих ребят, оказавшихся жертвами августовских событий. Демократы вышли с новыми российскими знаменами, сшитыми по этому случаю. Знамена представляли собой флаги торгового флота времен Петра, но исторически так случилось, что под ними воевали колчаковцы с рабочими и крестьянами, вставшими на защиту Советской власти, а в годы Великой Отечественной – предатели-власовцы. Уже только это должно было остановить демократов использовать этот флаг, но, видимо, он выражал их суть, а позднее был утвержден в качестве Государственного флага России. Какое глумление над памятью погибших красноармейцев и ветеранов-фронтовиков!

Похороны в Москве транслировались по всей стране. Я находился в саду. Мой сосед, раньше никогда не включавший радио, на этот раз включил его да так громко, что от

душераздирающих звуков похоронного марша, от воинствующих заявлений «победителей» я не знал, куда деваться.

Общество раскололось. На тех, кто радовался победе кучке торгашей («Свобода! Свобода! Свобода!») – изрекали их уста. А понимай так: свобода воровать и грабить, насиловать и убивать), и тех, кто искренне переживал трагедию развала нашего Отечества. Были, конечно, и такие, которым на все наплевать, кто знает, может быть, их было большинство.

Горбачев, привезенный из Фороса, под диктовку Ельцина издал Указ о роспуске КПСС. Здания райкомов и горкомов передавались в ведение местных властей. По-разному вели себя коммунисты в эти драматические дни. Одни подхватили свои пухлые портфели и перешли в коммерческие структуры, созданные ими заблаговременно. Другие с трудом устраивались на заводы и бюджетные учреждения. О первом секретаре Челябинского горкома КПСС Стручкове рассказывали, что в дни так называемого путча его нигде не могли найти подчиненные: ни на работе, ни на даче, видимо, отсиживался в подполье. Но были и такие, кто держался мужественно и с достоинством. Николай Петрович Соколов, первый секретарь Советского райкома партии, рассказывал товарищам: «Когда в моем кабинете появился начальник райотдела милиции и стал настаивать на немедленном опечатывании моего кабинета, я запустил в него стул и послал туда, где Макар телят не пас». Николай Петрович и после переворота не смирился с происходящим. Позднее с группой коммунистов воссоздал партийную организацию Калининского района, на территории которого жил и хорошо знал его людей. Всю душу вкладывал он в партийные дела. Но сердце было тяжело травмировано, в конце концов оно не выдержало, остановилось.

Мужественно и с большим достоинством вел себя в эти дни первый секретарь Челябинского обкома партии Алексей Потапович Литовченко. Я хорошо знал его по работе на ЧМК, где он стал директором в середине 80-х годов. Это был прекрасный хозяйственник, умелый организатор, чуткий к людям вожак. В 80-х я работал над книгой истории комбината, мне не раз приходилось обращаться к Алексею Потаповичу по тому или иному вопросу, и я всегда находил у него поддержку. Первым секретарем обкома его избрали в самую трудную для партии пору – во времена горбачевской перестройки. Надо было обладать мужеством и самообладанием, чтобы, видя предательство верхов, делать партийное дело.

Литовченко в ранней юности окончил в Магнитке ПТУ, начинал свой путь от рабочего и дорос до секретаря парткома и заместителя директора ММК. В Челябинск его перевели уже директором ЧМК. Хорошая закалка, которую он получил у огнедышащих маргенов и домен, пригодилась ему и на директорском посту, и в должности первого секретаря обкома.

В двадцатых числах августа 91 года Литовченко без сомнения поддержал заявление ГКЧП, отправил в Москву телеграмму с одобрением (потом демократы «шили» ему уголовное дело за нее). Как рассказывали соратники, в первый же день он собрал аппарат, посоветовался, что делать, и направил людей на места. Наказ был таков: не допускать среди населения паники, срыва в работе. Казалось бы, куда мудрее. Тем не менее, такая позиция лидера коммунистов областной организации буквально бесила демократов.

Когда в его кабинете появилась комиссия областной прокуратуры (я пишу об этом со слов ее руководителя), Алексей Потапович встретил ее сдержанно, достойно, хотя и без радости. Комиссия сделала опись вещей и документов, попросила открыть сейф. Алексей Потапович показал все содержимое в нем и настоял: «Непременно отметьте, что никаких расстрельных списков, как пишут об этом в печати, вы не обнаружили». «А есть ли у вас личное оружие? Если есть, можете сдать мне, я уполномочен принять его», – спокойно предложил прокурор. «Нет, личного оружия не имею, мне бояться некого», – ответил Алексей Потапович. Прокурор не стал настаивать на обыске. Еще недавно он сам был коммунистом, понимал всю трагедию первого секретаря. Он повел себя чисто человечески: как только комиссия, составив акт, удалась, он, оставшись с первым

наедине, посоветовал хозяину кабинета забрать все личные его вещи и только после этого опечатал кабинет.

Работники обкома уходили на производство, в бюджетные организации. Там их не брали. Нужно было звонить, ездить, помогать в устройстве. И он появлялся в здании обкома до того дня, пока последний его коллега не был трудоустроен. Самого же его никто не брал. Он обращался к своим же металлургам, трубопрокатчикам, тракторостроителям, но повсюду слышал отказ. Руководители боялись гнева Вадима Соловьева, назначенного за его усердие Ельциным главой областной администрации. Могу только представить, какие низменные чувства мести испытывал бывший первый секретарь горкома, который в последние годы постоянно воевал с обкомом. Алексей Потапович, избранный депутатом Верховного Совета России, продолжал исполнять свои обязанности. Причем делал это честно, добросовестно. На сессиях Верховного Совета он голосовал так, как подсказывала совесть. Продажные журналисты в своих статьях и передачах по Челябинскому радио всегда пускали колкости в его адрес, они припоминали и его поддержку ГКЧП, и «консервативную» позицию, с их точки зрения, на сессиях. Апрельским утром девяносто второго по радио прозвучал очередной пасквиль в его адрес, а спустя несколько часов его не стало. Не выдержало сердце металлурга жестокой и желчной травли! Считаю, что преждевременная гибель настоящих коммунистов Алексея Литовченко, как и Николая Соколова – на совести пятой колонны. Если, конечно, таковая у этих оборотней имеется.

ВМЕСТЕ С ДРУЗЬЯМИ «ПРАВДЫ» И «СОВЕТСКОЙ РОССИИ»

Не сразу, со временем люди стали задумываться: что же произошло в стране, кто одержал верх, что будет с нами через несколько лет? Первыми пришли в себя коммунисты и патриоты. Я имею в виду не людей, которые носили партбилеты в карманах и легко расстались с ними, а тех, истинных, для которых быть коммунистом и патриотом – дело всей жизни.

В октябре 91 года в одной из утренних передач Челябинского радио прозвучало выступление бывшего секретаря Советского райкома партии Александра Раевского. Я хорошо знаю его. В ту пору это был совсем еще молодой парень, высокий, красивый, интеллигентный. И вот именно он нашел в себе мужество, обратился в Комитет по телевидению и радиовещанию, где его хорошо знали (ЧГТРК находится на территории Советского района), и попросил слово в эфире. Выступление Раевского было по-военному коротким, глубоким, содержательным. Он говорил о том, что коммунисты в настоящее время оказались в сложной ситуации, причем, не по своей вине. Он призывал своих соратников не сидеть сложа руки, а собраться вместе, посоветоваться, что им делать. Он предложил конкретный день сбора, время и даже место: актовый зал Советской администрации, которая располагалась в одном здании с райкомом партии.

На обращение Раевского откликнулись десятки коммунистов. Я был одним из них. Нас зарегистрировали, записали фамилии, имена, отчества, адреса, номера телефонов и даже партийных билетов. Собрание проходило бурно. Его вели Александр Раевский и его соратники по райкому. Выступления ораторов тоже были страстными, жгучими, порой по коже проходил мороз. Не забуду выступление ветерана партии Алексея Васильевича Никитина. Многие годы он работал помощником первых секретарей обкома, в частности, у М.Ф. Воропаева, Г.Г. Ведерникова и т.д. Все вещи он называл без дипломатии, своими именами. Он говорил о том, что к власти пришли торгаши и бандиты, что они будут грабить, разворовывать страну и что сейчас долг коммунистов – сделать все, чтобы свернуть шею этой гидре. В начале собрания прозвучала информация о том, что в Москве собираются коммунисты со всех уголков страны, они хотят провести Всероссийскую конференцию. Чтобы послать в столицу делегатов, нужны средства. Алексей Васильевич выложил крупную по тем временам сумму и заявил: «Это вам на поездку в Москву!»

Начиная с конца 80-х годов я постоянно выписываю «Правду», а позднее стал выписывать и «Советскую Россию». В одном из ноябрьских номеров, вышедших в канун

годовщины Великого Октября, «Правда» обращалась к коммунистам России с просьбой помочь в эти трудные, критические времена газете, предложила высылать на счет редакции любые денежные средства. Пока не возрождена Компартия, воспринимайте помощь «Правде» как уплату партийных взносов, – писала редакция. Меня взволновало обращение коллег. Получив зарплату, я направился на почтовое отделение и четверть заработка отправил в редакцию. На обратной стороне почтового перевода написал: «Молодцы! Вы – образец для всех коммунистов. Держитесь, мы вам поможем».

В первых числах января 1992 года вновь назначенный Ельциным премьер Гайдар отпустил цены на все продукты и товары. Выступая перед россиянами, Ельцин обещал: «Если цены станут не управляемы, превысят более чем в три-четыре раза, я сам лягу на рельсы». Видимо, в России так и не нашлось рельс, на которые бы лег первый российский президент. Он не сдержал ни одного своего слова, в том числе и в отношении цен. А цены и тарифы на все виды услуг росли с космической скоростью. Уже в конце января они стали недоступными для большинства населения. В городах и районах начались волнения, на улицы и площади выходили люди с пустыми кастрюлями и устраивали марши голодных.

Однажды в феврале я достал в почтовом ящике крохотное, опечатанное на пишущей машинке приглашение принять участие в субботнем митинге тружеников города, который неизвестные мне патриоты проводили возле кинотеатра «Победа». Догадался, что приглашение в ящик попало не случайно, его положили те, кому я оставил свой адрес во время октябрьской встречи коммунистов. Скажу откровенно, какие-то минуты колебался: обстановка в стране накалялась, по радио и телевидению передавали, что марши голодных разгоняют милиция и омонотцы. Но все же поборол в себе минутную слабость и колебание. Доехал до кинотеатра, а там народу тьма-тьмушная. Подхожу к толпе, прямо на тротуаре стоит «Газель». Внутри машины вижу операторов, снимающих все, что происходит на площади. «Значит, в кадры милиции попаду и я, – мелькнуло в сознании. – Ну и пусть. Тут вон какая толпа! Что они сделают?»

Возле крыльца у входа в кинотеатр выступали сразу двое ораторов: один клеймил позором антинародный режим Ельцина, который довел народ России до нищеты и голода, другой защищал Ельцина, Гайдара, их экономические реформы. Вижу в руках одного из демократов плакат с надписью, сделанной черным фломастером: «Променяю мертвого вождя в Мавзолее на палку колбасы». Более гнусного и подлого плаката я в своей жизни не встречал. Спустя много лет я спросил автора, оказавшегося моим знакомым, зачем это написал. Он заявил, что на том митинге не был и подобного плаката не писал. Вроде бы я обозначился. Пусть это останется на его совести, но именно его гнусный плакат вызвал во мне такую бурю протеста и ненависти к «дерьмократам», что я осознанно сделал выбор, в каком мне быть лагере – патриотов или продажных тварей? От демократов перешел к толпе недовольных реформами. Среди тех, кто стоял на крыльце, увидел знакомую мне женщину – Галину Георгиевну Фоменко. В свое время она жила в Карталах, возглавляла там отдел культуры, писала стихи, приезжала с ними к нам, на занятие литобъединения «Металлург», которым я руководил в конце 70-х – в начале 80-х годов. Было страшно холодно, но эта женщина предлагала людям купить «Правду», помочь ей своим рублем. Не люблю высокопарных сравнений, но в эти мгновенья Галина напоминала мне горьковскую мать, раздававшую людям листовки на маевке. Только горьковская героиня была старше возрастом, седая, а эта моложе, но с таким же упрямым характером и волевым взглядом. Я подошел к Галине Фоменко. Она обрадовалась нашей встрече.

– Бери газеты, помогай распространять их!

Пальцы рук застывали от лютого холода. Их обжигало мне, представляю, каково было Галине, ведь она здесь, на митинге, с самого начала.

– У нас в библиотеке Пушкина создан клуб друзей «Правды». Приходи на занятие. В следующий четверг мы опять собираемся, – сообщила Галина.

И я пришел в очередной четверг. С этого дня уже не расстанусь ни с «Правдой», ни с «Советской Россией», ни с их надежными и верными друзьями.

Я вошел в совет клуба, стал сотрудничать с редакциями этих газет, познакомился с главными редакторами и наиболее активными журналистами. Обращался в редакции местных газет, на радио и телевидение, чтобы они рассказали о нашем клубе. Однажды позвонил знакомой журналистке, которая совсем недавно была секретарем партийной организации Комитета по телерадиовещанию. Надеялся, уж кто-кто, а она-то окажет мне содействие. Когда позвонил ей и поинтересовался ее мнением о написанном мной материале, она с недоумением спросила:

– Анатолий! Ты что серьезно ходишь к этим выжившим из ума маразматикам?

Меня словно холодным душем обдало. Я положил трубку и больше никогда не обращался к этой даме.

В мае 1992 года «Правда» организовала фестиваль, посвященный 70-летию со дня основания газеты. Мы приняли на совете решение, что двое членов клуба – я и ветеран партии и труда Иван Никифорович Чернов – поедем на этот фестиваль. У Чернова был бесплатный проезд по железной дороге, а мне пришлось добираться на свою более чем скромную зарплату. Хорошо помогли соратники по клубу. В Москве нашел редакцию, обратился к журналистам, ответственным за проведение юбилея.

– Поезжайте в парк имени Горького. В 11 часов там начнется фестиваль «Правды».

Хотя Москву знал плохо, но на открытие фестиваля не опоздал. На большой импровизированной площадке стоял почти весь коллектив редакции. Его возглавлял тогдашний редактор «Правды» Геннадий Селезнев. Он произнес страстное и взволнованное слово о «Правде», ее месте в истории и делах партии, сегодняшней роли организатора возрождения коммунистического движения, торжественно открыл фестиваль. Здесь же я увидел Виктора Кожемяко, которого помнил по встрече в ЦДЛ с коллективом популярного в ту пору журнала «Огонек». «Огоньковцы» посчитали для себя за честь пригласить В. Кожемяко на встречу со своим активом. Он тогда пришел и прекрасно выступил. А теперь пути-дороженьки разошлись, и, видимо, надолго. «Огонек» вырвался в авангард демократической прессы, на своих страницах обливает помоями истинных патриотов, а Виктор Кожемяко остался верен себе: со страниц «Правды» и «Советской России» рассказывает о выдающихся деятелях литературы, искусства и культуры, которые своим творчеством служат народу. Его перо стало еще более острым и мудрым. Он для меня публицист номер один в нынешней России, не менее значительный, чем Писарев в свои времена.

А потом начались встречи, политдискусии, концерты. Я стремился как можно больше увидеть и услышать, все впитывал, как губка. Побывал на одной из встреч с лидерами партий и движений. В ней принимали участие Виктор Крючков – руководитель Российской партии коммунистов, Владимир Жириновский – лидер ЛДПР, ряд других. Жириновский только еще входил во вкус политики, был живым, энергичным, остроумным. Он умел нравиться публике. Таким запомнил его по встрече в 1992 году.

А на другой площадке выступали знакомые политики: Николай Рыжков, Егор Лигачев, Геннадий Зюганов и другие. Николай Иванович поразил меня такой фразой: «Я отношу себя к когорте, которая начинала нынешние реформы в стране. То, что их нужно проводить, сомнений ни у кого не было. Старая система изжила себя...» Вот тебе и на! Бывший член Политбюро даже гордится тем, что причастен к смене экономического курса страны, именно при нем страна взяла курс на рыночную экономику, то есть на капитализм.

Следующим выступал Геннадий Зюганов. Я впервые видел и слышал этого политика. Он с тревогой говорил о нынешнем развале страны, о духовном крахе нации, о необходимости спланировать и бороться за новую достойную жизнь. Выступал Геннадий Андреевич крепко, его мощный голос несся из динамиков далеко по тенистым аллеям парка. Он был уверен, мужественен. «Вот бы кому возглавить борьбу за возрождение нашего государства!», – мелькнуло в моем сознании. Тогда мне и в голову не приходило, что буквально через несколько месяцев доведется еще раз встретиться с Геннадием Зюгановым на III Учредительно-восстановительном съезде КПРФ, где его избрали председателем ЦК партии, потом мне доведется встречаться с ним на других съездах, во

время приезда Геннадия Андреевича на Южный Урал и даже брать у него интервью для патриотической печати.

Несколько слов еще об одной неожиданной встрече. К входу на открытую летнюю площадку, на которой выступали перед публикой Е. Лигачев, Н. Рыжков и Г. Зюганов, подошел, слегка прихрамывая, с палкой в руке Виктор Поляничко. Я хорошо знал его по работе в Челябинске. Здесь во второй половине 60-х он возглавлял нашу комсомолию. Много добрых и славных дел на его счету. А потом его избрали секретарем Челябинского горкома партии. Из Челябинска перевели в Оренбуржье на пост второго секретаря обкома партии. Оттуда – в ЦК партии. В конце 80-х годов Виктор Петрович был направлен политическим советником Наджибуллы в Афганистан, его ценили и уважали и наши воины, и афганцы. С Наджибуллой они были словно побратимы. В Афганистане Виктор Поляничко рука об руку сотрудничал с командующим Ограниченного контингента советских войск генералом армии Валентином Варенниковым. Валентин Иванович рассказывал о встречах с ним с особой теплотой и душевностью. Он высоко отзывался о политической миссии Виктора Петровича в Афганистане, о его высоких человеческих качествах. После вывода советских войск из Афгана Поляничко послали в Нагорный Карабах. Из полмыя да в полмыя. Он был избран вторым секретарем ЦК Компартии Азербайджана. Его авторитет был настолько велик, что практически республиканской парторганизацией руководил он. Но это было время, когда в стране уже кипели национальные раздоры. Нагорный Карабах – одна из таких горячих точек. В Азербайджане не только уважали его, здесь нашлись и враги. Ему угрожали, предлагали восвояси убраться в Москву, но он мужественно стремился примирить враждующие стороны. Тогда на Виктора Петровича было совершено покушение, он был тяжело ранен. Последствия этого ранения ощущал по сей день.

Мы не встречались с Виктором Петровичем лет двадцать. Но когда я подошел к нему, он сразу же узнал меня. Мы обменялись дружескими рукопожатиями. Я спросил его, чем он сейчас занимается. «Как видишь, только что выписали из больницы», – ответил Поляничко. «Какие планы на ближайшее время?» – поинтересовался я. «Без работы не оставят», – ответил он дружелюбно.

Так оно и случилось. Спустя год, летом 93 года, его назначили в ранге вице-премьера, Чрезвычайным представителем на Северном Кавказе. В его задачу входило примирить враждующие народы. Не всем была по душе его высокая миротворческая миссия. И здесь 1 августа того же года бандиты подкараулили и подло убили его. Так оборвалась яркая, мужественная и отважная жизнь крупного общественного деятеля нашей страны. Кто знает, останься он жив – не исключено, что мог бы возглавить патриотическую оппозицию. Может быть, это понимали власти и, посылая его в Северную Осетию, под пули бандитов, надеялись, что живым он оттуда не вернется.

Вот такие встречи произошли у меня на «Правдинском» фестивале в мае девяносто второго.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПАРТИИ

Летом и осенью 1992 года в Москве проходил Конституционный Суд Российской Федерации. Он рассматривал жалобу коммунистов, требовавших восстановления в правах Коммунистической партии. Суд проходил в течение нескольких месяцев. Материалы его публиковались в «Правде» и «Советской России». От челябинцев в качестве свидетелей на Конституционном суде участвовал бывший первый секретарь Центрального райкома КПСС Петр Свечников. Он утверждал в своем выступлении, что его районная партийная организация никакой антиконституционной деятельностью не занималась. Напротив, все усилия коммунистов были направлены на то, чтобы всячески способствовать обновлению партии, демократизации ее, поиску новых форм в работе. Активно отстаивали поправленные права коммунистов бывшие секретари Центрального Комитета КППРФ Валентин Купцов и Геннадий Зюганов. В конце ноября Конституционный Суд принял решение – восстановить в правах первичные партийные организации. Это вызвало в обществе облегчение – время

поиска «красных ведьм» прошло. Началось возрождение партийных организаций. Это процесс проходил по всей России, особенно энергично он проходил у нас, на Южном Урале.

Мне тоже довелось участвовать в этой работе. В то время я состоял в рядах Российской партии коммунистов, которая действовала уже легально. Лидером этой партии был Виктор Крючков (сравнительно недавно она объединилась с РКП, которую возглавляет Виктор Тюлькин).

В январе 93 года на меня вышли ряд коммунистов Курчатковского района и предложили принять участие в возрождении районной парторганизации. В инициативной группе было всего несколько человек: Валентин Казанцев, Расим Касимов, Любовь Галкина, Виталий Ефремов и я. Позднее к нам присоединились ветераны Великой Отечественной войны Дмитрий Петрович Кандеров, Леонид Иванович Аксенов, ветеран труда Мария Николаевна Шоленинова ветеран Вооруженных Сил Александр Петрович Чебуняев, ветеран труда Вильс Павлович Бойков и другие. Мы встречались в красном уголке 5-го ЖЭУ. Отпечатали на машинке объявления, расклеивали на автобусных и троллейбусных остановках, на подъездах жилых домов. Но это эффекта большого не приносило. Нас по-прежнему было мало. Тогда я предложил опубликовать в «Челябинском рабочем» платное объявление, сообщить в нем место и срок проведения нашей конференции. Договорились с администрацией района, нам разрешили провести учредительную конференцию в актовом зале. Назначили срок – в конце января. Был субботний день. С 10 утра в фойе администрации стали появляться убеленные сединами ветераны, люди зрелого возраста, и совсем было мало молодых. Меня несколько не удручало такое обстоятельство, понимал: в ветеранах крепка партийная закалка, живучи такие понятия, как совесть и долг. Когда я видел 70-80-летних стариков и старух, у меня готовы были слезы навернуться на глазах.

Конференция прошла активно, выступали люди горячо и страстно. Единогласно проголосовали за возрождение районной парторганизации, избрали исполком (потом его переименовали в райком). Первым председателем исполкома избрали меня. Я понимал всю ответственность, которая возлагалась на меня, за работу взялся охотно и горячо.

Такую же работу провела по восстановлению партийной организации Советского района Галина Фоменко. Она, как и я, являлась членом обкома РКП. На одном из заседаний обкома обсуждали вопрос: как быть? Коммунисты РПК возглавили вновь созданные организации КПРФ и в то же время являются активистами РПК. Устав Российской партии коммунистов запрещал ее членам состоять в двух партиях. Выступая на пленуме обкома РКП, я заявил:

– Я создал детище, которое, согласно Уставу, должен покинуть. Но ведь рядовые коммунисты избрали меня председателем исполкома, покинуть этот пост – значит предать их.

– Если ты остаешься там, тогда должен выйти из нашей партии. Прекрасно знаешь, состоять в двух партиях запрещено Уставом, – отрезал секретарь обкома.

– В таком случае я выбираю Курчатовскую парторганизацию!

Так же поступила и Галина Фоменко. Мы написали заявления, в которых просили обком считать нас выбывшими из рядов РПК в связи с вхождением в КПРФ. Вот такой сложный узел завязался в тот период. Пришлось разрубать его.

ПРЕДГРОЗОВАЯ АТМОСФЕРА

Хотелось как-то помочь вновь возрождаемой партии. Принес в редакцию областной газеты небольшую заметку о возрождении партийной организации, о ее первых шагах. Редактор был давний знакомый. До августа 91 года он занимал пост заместителя главного редактора. В конце 80-х часто видел его в здании обкома, в основном в обеденный перерыв – он ходил сюда обедать. Партия предоставила ему не только престижную должность, но еще и кормила его. И вот спустя два года, когда я появился на пороге его кабинета с заметкой о делах партийных, он заметил с недоумением:

– На какой хрен тебе это надо? Кому нужна ваша партия и вообще все эти измы? Сейчас нужно зарабатывать бабки. Неужели ты это не понял?..

От кого – от кого, но от бывшего замредактора областной партийной газеты я такого поворота не ожидал. Это был один из многих перевертышей, которые предали за тридцать сребреников партию да еще втоптывали в грязь нас, коммунистов, оставшихся верными своим идеалам.

В марте 93 года в Москве произошли события, которые явились предтечей роковых событий осени того же года. Б. Ельцин, избранный президентом России, узурпировал власть и уже ни с кем не хотел считаться. Это у него было уже в крови. Помните выступления на заседании Верховного Совета его заместителей Светланы Горячевой, Бориса Исаева, которые убеждали депутатов не выдвигать кандидатуру Ельцина на пост президента: он груб, амбициозен, не считается с товарищами по работе. К сожалению, их предостережения не были услышаны. Потом депутаты Верховного Совета поплатились за это кровью.

К тому времени вполне уяснил, кто такой Ельцин, его правая рука Александр Руцкой, являвшийся вице-президентом. Они не усидели в одной лодке, кому-то надо было покидать ее. Оба не хотели, и лодку, т.е. нашу страну, стало раскачивать из стороны в сторону.

Во время одного из выступлений с трибуны Верховного Совета весной 93-го Руцкой заявил, что у него имеется 11 чемоданов компромата на олигархов, но власть предержавшие не дают ему ходу. Ельцин решил одним махом покончить и с Руцким, и с Верховным Советом, который больше ему не был нужен. В конце марта 93 года он выступил с предложением ввести в стране Особый (считай Чрезвычайный) порядок управления. Верховный Совет подлежал самороспуску. Но силовики не поддержали этот ОПУс, Верховный Совет еще оставался действовать.

Ситуация – на грани переворота. Челябинские патриоты почувствовали всю опасность создавшегося положения. В тревожное субботнее утро, когда Ельцин зондировал общественное мнение, они собрались в помещении областного Совета, обсудили напряженную ситуацию. Решили создать Комитет по защите Конституции и Советской власти. Возглавил его инициатор встречи Лев Леонов, работавший собкором газеты «Советская Россия» по Челябинской области. Этот Комитет просуществовал до осени того же года, той самой осени, о которой рассказ впереди.

* * *

Хочу сказать, 93-й год был напряженным и драматичным с самого начала. 23 февраля московские омовцы разогнали мирное шествие ветеранов Великой Отечественной войны, которые хотели возложить цветы к Вечному огню у Кремлевской стены. Ельцинистам не нужен был этот праздник – День Советской Армии, они запретили все мероприятия, связанные с ним. Во время кровавого разгона демонстрантов погиб генерал Советской Армии Песков. Погиб не в бою с захватчиками, не от пули наемных убийц, а от удара дубинкой озверевших омовцев. Это переполнило край терпения народа. Москва забурлила.

1 Мая на улицах Москвы повторились стычки омовцев с мирными демонстрантами. Журналист «Правды» Валентина Николаевна Никифорова (ныне она редактор этой газеты) рассказывала в своих репортажах об этом кровавом побоище. Она сама шла в первых рядах демонстрантов. От рук омовцев досталось и этой бесстрашной женщине. Насколько это было варварское и изуверское побоище, свидетельствуют фотоснимки, снятые спецкором «Правды» Майей Скурихиной Владиславом Парадня. В конце мая мне довелось побывать в Москве. В редакции «Правды» я разыскал Майю и попросил ее подарить несколько фотоснимков, рассказывающих правду о первомайских столкновениях. По предложению М. Скурихиной я организовал выставку ее фотоснимков в фойе областного Совета, переснял их, несколько из них включил в эту книгу.

Боясь народного возмездия 9 мая, в День Победы, услужливые спецслужбы организовали нападение на главного московского бунтаря тех лет Виктора Анпилова. Они вывезли его на машине в один из подмосковных районов и отдубасили так, что Виктор чудом остался жив. Он попал в больницу, пробыл почти целый месяц. Отсутствие закоперщика протестных акций не сорвало демонстрации в День Победы. Москвичи не испугались возможных провокаций, вышли на улицы города и возложили цветы к памятникам, возведенным за годы Советской власти. Власти поняли: народ не запугать ничем.

Той же весной я написал стихи, посвященные этой расправе. Вот эти пронизанные болью и гневом строки.

НАЕМНИКАМ САТАНЫ

Они на праздник шли с цветами, флагами,
 Как прежде, с песней – светлой, трудовой.
 А вы их встретили щитами лацкая,
 Как будто шли на жесточайший бой.
 Орали вы безудержно и матерно,
 Чтоб показать, что вы
 Спецназ,
 Совсем забыв, что это – матери,
 Отцы и деды, вырастившие вас.
 Пред вами падали старухи нищие,
 Прикрыв детишек крохотных собой.
 А вы дубасили, да так неистово,
 Что жуткий вой стоял над мостовой.
 Как после этого вы жить-то будете,
 Наемники злодея сатаны?
 Пусть ваши жертвы по ночам врываются
 В кошмарные и проклятые сны!..

Находясь в Москве, в редакции «Правды», я узнал о встрече Александра Руцкого с тружениками столицы. В то время он олицетворял собой противостояние мракобесию, и люди охотно верили ему. В этом я убедился сам, побывав на встрече москвичей с А. Руцким в актовом зале администрации одного из столичных районов. Зал был набит до отказа, люди, подстелив газеты, сидели даже на ступенях лестницы. Руцкой выступал, как боец, горячо и напористо. Он был искренне недоволен Ельциным и искал поддержки в массах. Зал чутко реагировал на каждое резкое высказывание опального генерала в адрес Ельцина.

В Москве чувствовалась предгрозовая атмосфера.

После встречи с Руцким мне довелось встретиться и с Виктором Анпиловым. Это произошло на площади перед Историческим музеем. Здесь в определенные дни собирались сторонники «Трудовой России». В этот день как раз вышел из больницы их лидер. Активисты «Трудовой России» от души приветствовали своего руководителя, интересовались состоянием его здоровья и духа. Рука Виктора, сломанная костоломами, находилась еще в гипсе. Сам он был бледен, но говорил уверенно, горячо. Я, улучив момент, подошел к Виктору Ивановичу и представился: «Приехал из Челябинска. Коммунист». Обменялись несколькими фразами. Анпилов поинтересовался, как у нас идет противостояние властям. Я коротко рассказал. «Не сдавайте позиций. Будьте напористы, и вы победите», – напутствовал лидер «Трудовой России».

РАСПРАВА

А в Челябинске царила такая же атмосфера, что и в Москве. Областной Совет, возглавляемый Петром Суминым, как мог, противостоял администрации Вадима Соловьева, который проявлял особое рвение в приватизации государственной собственности. С легкой руки главы и его прислужников Виктора Христенко, Владимира Головлева и других приватизация в нашей области набирала космические обороты, в этом отношении наша область была впереди России всей. Деньги, полученные за счет скупки акций и т.д., оседали в спешно созданных фондах и банках. Небольшая группа людей на глазах обогащалась, масса населения обнищала. Достаточно вспомнить аферу с ваучерами. Их выдали всем, кто хотел получить, и тут же предприимчивые дельцы за бесценок скупили их. Но нашлись наивные люди, которые все-таки поверили властям, и вложили свои ваучеры в различные фонды. Лично я все ваучеры нашей семьи (а нас, взрослых, четверо) вложил ваучеры в фонд «Атлант». А где они? За десять лет никто ни разу не вспомнил о нас, не прислал никаких дивидендов. А деньги, вырученные от продажи наших ваучеров, где-то крутятся, обогащают чей-то карман. Да и сам «Атлант» из Челябинска давно перебрался в Москву – подальше от своих клиентов, поближе к крупному капиталу. Не зря говорят: деньги к деньгам липнут.

Областной Совет занимал резко негативную позицию к такой грабительской реформе. Отношения между депутатским корпусом и главой администрации накалились до предела. Как и во многих других городах, В. Соловьев был назначен Ельциным без согласования с местными представительскими органами. Отсюда и – разнобой в политике, чехарда в издаваемых документах. Чтобы покончить с этой неразберихой, в апреле 1993 года Совет решил провести выборы главы областной администрации. Вместо того, чтобы поддержать и принять в них активное участие, администрация сделала все, чтобы сорвать эти выборы: накануне закрывали школы, в которых находились избирательные участки. Воскресным утром, в день выборов, по Московскому радио передали заявление Ельцина о том, что выборы, назначенные Челябинским областным Советом, не согласованы с администрацией президента и потому якобы незаконны. Несмотря на все ухищрения, выборы все-таки состоялись. Большинство населения проголосовало за кандидатуру на пост главы администрации Петра Сумина. Спустя три дня после выборов Сумин получил от председателя областной избирательной комиссии Вадима Козлова мандат главы.

И вот тут-то началось самое настоящее противостояние Петра Сумина с Вадимом Соловьевым. Один издает распоряжения, другой отменяет их. Кому подчиняться? Главы администраций, руководители предприятий и учреждений готовы были работать с любым из них, но только с одним, а тут каждый настаивал на своем приоритете. Коммунисты свой выбор сделали однозначно – в пользу Сумина. Мы проводили пикетирование здания администрации на улице Цвиллинга, развешивали плакаты, раздавали листовки, даже нанимали автомашину с громкоговорителем и с ее помощью разъясняли населению, что Соловьев незаконно занимает свой пост.

Постепенно мы вытеснили демократов с площади Революции, оставили ее за собой. Однажды узнаем, что демократы на 5 часов вечера назначили митинг у памятника В.И. Ленину. Что за кощунство? Обзвонили своих сторонников и решили собраться в это же время. Мы пришли к памятнику раньше оппонентов, развесили плакаты на постаменте. А ровно в 5 вечера тут же стали собираться демократы и попытались оттеснить нас от памятника. Кто-то из них схватил древко с красным полотнищем и рванул так, что оно затрещало. «Ах вы, сволочи! Красное знамя решили порвать! Получайте!» – крикнул один из нас и бросился на «друзей народа». Завязалась потасовка. Вячеслав Пушкин, я и еще кто-то кубарем катались по асфальту. Получили ссадины, ушибы, но место у памятника не сдали.

В пятницу 2 июля состоялся очередной пикет. Вместе с Анатолием Белоглазовым я возглавлял этот пикет. Пользуясь громкоговорителем, обращался к челябинцам, просил их присоединиться к нашей акции. В полдень из здания администрации вышел какой-то чиновник в сопровождении подполковника милиции. Женщины зашептались: «Соловьев, Соловьев идет!» Вадима Соловьева я хорошо знал еще по комсомольской работе, был старше его возрастом и несколько не боялся. Когда он появился на улице и с ухмылкой на

лице стал рассматривать плакаты, на которых был разрисован во всей красе, я, пользуясь мегафоном, громко спросил его: «Вадим Павлович! Почему вы незаконно занимаете кресло главы администрации? Вот эти люди, собравшиеся на пикет, в апреле голосовали за Петра Сумина. Мы выбрали Петра Ивановича, а вас никто не избирал. Найдите в себе мужество уйти из администрации!» Соловьев, глядя на подполковника, начальника охраны администрации, явно просил избавить его от меня. Он хотел было уйти, но я крепким движением руки вцепился в лацкан его пиджака и настаивал на своем: «Ответьте этим отцам и матерям, когда вы выполните волю народа?» Ошарашенный глава рванул в сторону, вырвался из моих рук и почти трусцой устремился в свою резиденцию. В след ему неся хохот и свист.

Конечно, простить мне такое он не смог. В понедельник я вышел на работу (в то время трудился редактором книжного издательства «Вариант-Книга»). В 11 дня ко мне зашел бывший мой главный – Александр Золотов. По душам поговорили с ним. Он похвалил меня за работу, доверительно сообщил, что шеф – директор издательства Валерий Афанасович – вполне доволен моей работой. А в 12 часов меня вызвал директор и, не глядя мне в глаза, заявил, что предприятие будет репрофилироваться, надобность в моей должности отпала и что с сегодняшнего дня я увольняюсь по сокращению штатной единицы. Шеф предлагал мне компенсацию за два месяца и сегодня же получить трудовую книжку. Я понял, что произошло, и, надеюсь, принял достойное решение. Заявил ему: «Я еще не был в отпуске. Дайте мне возможность отдохнуть. Во время отпуска и подыщу себе новую работу». Афанасович охотно согласился с моим предложением.

Так оказался за воротами книжного издательства. Откровенно говоря, работа редактора мне нравилась, мне не хотелось уходить, но уйти я был вынужден.

Спасибо Льву Леонову, который, войдя в мое положение, принял меня в штат своего частного предприятия «Ведомости рынка», которое он возглавлял. Так я оказался с ним в одной упряжке. Мы вместе готовили еженедельную сменную страницу для газеты «Советская Россия». Она печаталась вместо московской телепрограммы. Мы рассказывали о противостоянии двух ветвей власти, поддерживали начинания Петра Сумина, предоставляли слово активистам партий и движений, представителям трудовых коллективов. Страница была боевая, она призывала южноуральцев бороться за свои права и интересы. Много материалов печаталось от имени Комитета по поддержке Конституции и Советской власти. По существу, наша страница была рупором этого патриотического органа. Деньги на ее издание мы находили сами: искали рекламу, заключали договоры на длительное предоставление рекламных объявлений. Собственно, в «Ведомостях рынка» я был оформлен как редактор по рекламе. И такой работой приходилось заниматься летом 93-го, правда, недолго.

В середине августа в актовом зале областного Совета проходило собрание актива сторонников П.И. Сумина. На нем речь шла об активизации борьбы за то, чтобы результаты апрельских выборов главы восторжествовали. Выступали многие. Попросил слово и я. Рассказал о пикете 2 июля и его последствиях, о том, как жестоко расправляется администрация со всеми, кто против нее. После собрания актива ко мне подошел Леонтий Михайлович Рабчонок, который работал в одной команде с Петром Ивановичем, предложил мне пойти работать к нему помощником. Я хорошо знал Леонтия Михайловича еще по комсомольской работе и посчитал для себя за честь помогать ему в его работе. Так с 25 августа и по 4 октября я трудился в одной команде с П.И. Суминым. В штате нас было всего трое: глава администрации области П.И. Сумин, его заместитель Л.М. Рабчонок и я, помощник заместителя главы. Ровно сорок дней мне довелось работать в этой связке. В мою обязанность входило поддерживать связи главы с руководителями партий и общественных движений, со средствами массовой информации. Мы по-прежнему проводили пикетирование администрации В. Соловьева. А в начале сентября провели собрание представителей общественности города в Театре для детей и юношества (в прошлом ТЮЗ).

Несмотря на жаркий летний день, зал был полон народом. Здесь были ветераны, казаки, студенты, представители трудовых коллективов. Люди выступали искренне и горячо, они требовали от администрации выполнения воли народа. Надо сказать, что в здании ТюЗа до революции располагался Народный дом, а в 1917 году здесь находился штаб революции – Челябинский городской совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Это было для нас символично, сама обстановка располагала к решительным действиям. На собрании общественности мы приняли резолюцию, которую в тот же день передали в приемную В. Соловьева. В ней выражалось требование – подчиниться воле избирателей.

За полтора месяца было много встреч с руководителями самого большого ранга. К нам приезжали американцы по поводу проблем, связанных с закрытием южноуральских шахт, члены московской комиссии, направленной администрацией президента в связи с жалобами трудящихся на то, что не исполняется воля избирателей. Комиссия тщательно изучила все обстоятельства избирательной кампании. Пришла к выводу, что никаких нарушений со стороны областного Совета допущено не было и что П.И. Сумин вполне легитимен как глава Челябинской области. Сказывали, что в папку президента даже был подготовлен проект Указа об утверждении итогов выборов и о признании П. Сумина главой областной администрации. И, вероятно, все произошло бы именно так, если бы не последующие сентябрьско-октябрьские события.

Вспоминается еще один из политических казусов той поры. В Златоусте национал-патриоты создали движение неопределенной ориентации. Возглавил его Сергей Костромин – не глупый парень, но очень амбициозный, стремившийся непременно попасть в эпицентр политических событий. Не знаю, чем руководствовался этот лидер, только в конце августа – в начале сентября местную, а, может быть, и центральную прессу он забросал факсовыми сообщениями о том, что во время политического раздора между исполнительной и представительной ветвями власти всю полноту ответственности возлагает на себя, т.е. объявляет о создании Уральской республики и провозглашает себя ее президентом. Главы областных администраций отныне подчиняются только ему, все силовые структуры выполняют лишь его распоряжения. Такой факс получил и областной Совет народных депутатов Челябинской области. Здесь лишь посмеялись над выпендриванием златоустовского смельчака и тут же забыли. Но смотрю прессу: это сообщение публикуют одна за другой местные газеты и даже моя родная «Правда». Что их-то заставило публиковать «сногшибательное» заявление С. Костроминина? Причем, без всяких комментариев. Думаю, лишь стремление к дешевой сенсации, не больше.

Анализируя все эти заявления и трюки сегодня, невольно прихожу к выводу, что они появлялись далеко не случайно. Ведь заявление о создании «самостийной» Уральской республики появилось буквально за две-три недели до разгона Верховного Совета. А может быть, это одно из коварных изобретений ельцинистов и их служб, чтобы дать повод для вмешательства силовых структур. Как бы это ни было на самом деле, но факт остается фактом, и вряд ли следует забывать такую «махновщину».

А ВЫ СПРОСИЛИ У РЯЗАНСКОЙ СИНИ?

Впрочем, Ельцин был всегда себе на уме, он использовал любые рычаги для того, чтобы прибрать всю власть к своим рукам. В конце августа в областной Совет позвонили из Верховного Совета и сообщили, что на пятницу, 27 августа, намечен массовый митинг демократов на площади Восстания возле Дома Советов и что готовится захват здания силами демократов. Депутаты просили о помощи. Вдвоем с сотрудником пресс-центра облсовета Павлом Большаковым мы вылетели в командировку в Москву. Прямо с самолета – в Дом Советов. Здесь царил тревожная атмосфера. В полдень 27-го Руслан Хасбулатов собрал в большом зале совещание актива патриотических сил. Зал был полон. Когда из центральной двери в сторону президиума прошел невысокий, шуплый на вид мужчина в светлом костюме, я сначала не узнал в нем Хасбулатова. По телевидению он представлялся мне могучим и солидным. Руслан Имранович доложил о сложной

политической обстановке, царящей в связи с практически сложившимся двоевластием, высказал мнение, что Ельцин не успокоится на этом, ему нужна диктатура, а это мы уже проходили, призвал патриотические силы не допустить реванша ельцинизма. Зал единодушно поддержал председателя Верховного Совета.

Вечером возле главного входа в Дом Советов стали подтягиваться патриоты. С самого начала среди сторонников Верховного Совета были и мы с П. Большаковым. Нас собралось много, настолько много, что демократы не ожидали такое количество. В числе организаторов митинга находились Геннадий Зюганов, Виктор Тюлькин, Виктор Крючков, Александр Проханов и другие.

Ближе к шести вечера по улице, непосредственно проходящей перед главным входом в Дом Советов, появилась колонна «Трудовой России», возглавляемая Виктором Анпиловым. Анпиловцы шли под красными знаменами и транспарантами, на которых было выражено народное негодование правящим ельцинским режимом. Митинг начался в шесть вечера и продолжался в течение нескольких часов. Выступали не только лидеры партий и движений, но и представители с мест, например, ленинградцы, воронежцы, сибиряки. Организаторы митинга проинформировали собравшихся, что буквально за углом здания проводят такой же митинг демократы и что с их стороны не исключена провокация. Предложили проводить митинг до той поры, пока не разойдутся демократы. Проголосовали единодушно.

Пользуясь удостоверением Союза журналистов, я проник через кордон милиции, разделявшей оба митинга и несколько минут провел в стане «противника». Надо сказать, что там страсти накалялись. Выступавшие клеймили «коммуно-фашистов» и Верховный Совет, требовали от президента радикальных и решительных мер. Фактически они подогревали Ельцина, призывали его к разгону Верховного Совета.

Я вернулся в ряды сторонников Советов и был вместе с ними до конца. Демократы выдохлись первыми. Где-то около девяти вечера их ряды стали редеть. Поняв, что любой натиск с их стороны получит достойный отпор, организаторы демлагеря покинули своих сторонников. Их примеру последовали и хорошо оплаченные крикуны.

Ближе к десяти разошлись активисты левой оппозиции. Мы с Павлом Большаковым ночевали в гостинице автозавода имени Лихачева. Бурно обсуждали происходящее в Москве. В конце разговора, состоявшегося за чашкой чая, Павел подвел итог:

– Я тоже побывал в рядах демократов и понял, что у них кишка тонка. Они пока не готовы к захвату Белого дома...

Все, о чем я рассказал, происходило в пятницу, а в субботу в центре Москвы эти события продолжались. На площади имени Дзержинского, возле свергнутого памятника рыцарю Революции, собралось несколько тысяч патриотов. Они проводили митинг в поддержку Верховного Совета. Организаторами были коммунисты столицы, руководители патриотических движений. Я с трудом пробился к эпицентру митинга. Меня поразил демократизм тех, кто вел его. Группа людей стояла в кузове грузовика, борта которого были обиты полыхающим кумачом. Речи ораторов были еще более решительны и боевыми, чем накануне. Казалось, зажги спичку – вспыхнет пламя. Перед поездкой в Москву я написал стихотворение, которое назвал «Оборотни». Стихотворение было посвящено вчерашним лидерам КПСС, предавшим свою партию и интересы трудового народа. Я посчитал, что оно будет очень кстати, если прозвучит с трибуны этого страстного митинга. Я подошел к самым бортам грузовика и попытался объяснить одному из организаторов, что я – уралец, сторонник Советов и очень прошу предоставить мне слово. Организаторы были людьми опытными, не хотели рисковать (кто знает, кто я такой, потом попробуй заткни мне рот!). Меня никто не пустил на грузовик. Тогда я догадался, передал отпечатанный на машинке листок и попросил зачитать его. Кто-то из руководителей быстро пробежал листок, стихотворение, видимо, понравилось, и он громко объявил по динамику:

– Друзья! Здесь, на площади Дзержинского, находится наш товарищ по борьбе с Урала. Он написал стихотворение о предателях нашей Родины, вот какие он написал строки.

И оратор стал читать. Он успел прочесть две-три строфы, стихи, как я почувствовал, пришились участникам митинга по нраву, из толпы послышались возгласы:

– Автора!

– Пусть он сам прочитает свое стихотворение!

Читавший обернулся ко мне, решительно подал крепкую рабочую руку, и я в одно мгновение вскочил в кузов грузовика. Взял листок и, не переводя дыхания, продолжил читать свое стихотворение буквально со следующей строфы.

В этой книге я приведу его полностью, причем, в той самой редакции, в которой читал его на площади Дзержинского.

ОБОРОТНИ

Вы на словах печетесь о России,
О нашем благе, – значит, о моем.
А вы спросили у рязанской сини:
С чего так дико кружит воронье?
С чего так много нищих в переходах,
Молящих о спасительном куске?
С чего так скорбны взгляды у прохожих,
Которым жизнь не строить на песке?

В моей груди – расстрелянное сердце,
Как у отца, погибшего в бою.
Оно взывает оставаться верным
Стране, которой до сих пор служу.
В моей душе мятежно и тревожно,
И ощущаю материнский взгляд.
– Сынок, – я слышу, – сколько ж можно
Глумиться над народом третий год подряд?..
Не вечно, мама, им топтать ногами
И нашу юность, и красу седин.
Омыту кровью, горькими слезами –
Россию мы в обиду не дадим!
Подонки сдохнут – никто не вспомнит имя!
Их похоронят тайно, второпях.
Но я уверен: преданная ими,
Земля не примет их смердящий прах.

Последние слова прочитал, почти сорвав голос. Огромная толпа москвичей горячо аплодировала мне, автору этих огненных строк. Это было в первый и, вероятно, в последний раз в моей жизни, когда трудовая столица рукоплескала мне, никому не известному уральскому литератору.

Я спрыгнул с грузовика, красный от волнения, которое испытывал во время своего выступления. Когда пробирался сквозь плотные ряды демонстрантов в обратном направлении, люди крепко пожимали мне руки, вслед летели восторженные слова:

– Молодец! Так их и надо!

А спустя полчаса после митинга, когда оказался у Исторического музея, возле книжного развала, где продавали патриотическую литературу, ко мне подошла женщина и, видимо, узнав меня, попросила:

– Вы подарите, пожалуйста, стихотворение, которое читали на митинге? Я его прочитаю нашим сибирякам.

У меня был всего один экземпляр, отпечатанный на машинке, и я подарил его этой сибирячке. Как и каждый автор, я испытывал удовлетворение оттого, что мое творение оказалось необходимым людям.

Как видим, в августе ельцинисты не отважились на захват Дома Советов, духу у них не хватило. А в сентябре Ельцин посчитал: хватит играть в демократию, пора власть полностью брать в свои руки. И он решил добиться своей цели любой ценой.

ЕЛЬЦИН ИДЕТ ВА-БАНК

Если б меня спросили, какие события в жизни меня потрясли больше всего, то, не задумываясь, ответил бы. Во-первых, смерть моей мамы в июле 91 года, затем – августовские события того же года, когда из-за трусости и предательства Горбачева к власти пришли сатанинские силы, разрушившие мою страну. И, наконец, сентябрьско-октябрьские события 93 года, во время которых из танковых пушек и пулеметов был варварски расстрелян Верховный Совет, а вместе с ним и последняя надежда на восстановление справедливости. Хорошо помню, как 5-8 октября я ходил на работу буквально потрясенный случившимся, ни с кем не хотел ни о чем говорить, а когда все-таки говорил, мои губы нервно вздрагивали, а на глазах таилась такая невыносимая боль и отчаяние, что в них было страшно взглянуть. Моя жена, далекая от какой-либо сентиментальности, поняв, в каком состоянии нахожусь, принялась успокаивать меня: «Ну что так убиваешься? Ведь на этом жизнь не кончается...»

И верно. С тех кровавых октябрьских событий минуло десять лет. У меня, как и многих моих соотечественников, прошел шок, жизнь снова вошла в обычное русло. Зарубцевались раны в сердце, поутихла боль в душе. И все же трагедия, происшедшая осенью девяносто третьего, до сих пор не дает покоя, снова и снова заставляет память вернуться к тем тревожным осенним дням.

В ту пору, как уже писал выше, я работал помощником у Л.М. Рабчонка, который был заместителем избранного весной главы администрации области Петра Сумина. Думается, многие мои земляки не забыли многомесячное противостояние областного Совета народных депутатов и главы областной администрации В. Соловьева, который так и не признал выборы П.И. Сумина как волеизъявление народа. Такая же ситуация сложилась в Брянске, во многих других городах. А тут еще довольно дерзко вел себя Верховный Совет во главе с Русланом Хасбулатовым и непокорным вице-президентом Александром Ружким, бесстрашно разоблачавшим президентскую мафию. На X Съезде народных депутатов, который должен был собраться в октябре, ожидалось, что будет поставлен вопрос о недоверии президенту. Б. Ельцин решил опередить народных избранников и своим Указом № 1400 от 21 сентября упразднил их статус. По существу, это был насильственный захват власти. Согласно действовавшей тогда Конституции президент автоматически лишался своих полномочий. Ельцин прекрасно понимал, на что идет. Он пошел, как говорится, ва-банк. В случае поражения лишался не только самого высокого поста, но, может быть, и свободы – за кровь, пролитую ребятами-москвичами в августе 91 года, за развал Советского Союза, за разрушение экономики и многое-многое другое. У него просто не было другого выхода, как добиваться победы любыми методами. А победителей, как известно, не судят.

Но чтобы распустить Верховный Совет, упразднить статус народного депутата, замахнуть на саму Советскую власть – такого я не ожидал даже от Ельцина. Когда поздним вечером 21 сентября выслушал его выступление по российскому телевидению, я не поверил своим ушам: «Да что он задумал? Ведь это неминуемая кровь, гражданская война. На такое способен только Пиночет!» – в сердцах бросил я своим. И тут же поспешил в облсовет. Перед моим отъездом раздались телефонные звонки моих друзей. Договорились встретиться в облсовете. Иду к троллейбусной остановке, а на ней уже дожидается транспорта мой коллега по перу Лев Леонов, собкорр «Советской России». Едем, на одной из остановок садится мой друг, фотокорреспондент Борис Мочалов (его

беспокойное сердце остановилось в мае 2002 года). Еще через пару остановок в дверях появляется фигура Александра Дмитриевича Каунова, председателя экономического совета, созданного при облсовете. Таким образом, нас уже четверо, только в одном троллейбусе. “Нет, нас на испуг не взять! – подумал про себя. – Мы за Советскую власть еще постоим!..”

А чуть позднее, когда мы уже находились в здании облсовета, туда приехал на своей “Волге” еще один фотограф Николай Кольцов, с которым мы были хорошо знакомы.

– Ребята! Я и моя машина в вашем распоряжении.

– Спасибо.

– Чувствую, с этим дураком (Н. Кольцов имел в виду Ельцина – **автор**) мы надолго застрянем здесь. Не возражаете, если привезу огурцов, помидоров, ну и кое-что еще из моих припасов?

– Не возражаем! – поддержали мы.

И все дни, которые находились в областном Совете, Николай Иванович был с нами: снимал на пленку митинги и пикеты, с помощью фотоувеличителя печатали фотоплакаты: “Нет – диктатуре Ельцина!”, “Долой ельцинизм!”, “Да здравствуют Советы!”

* * *

21 сентября пол-двенадцатого ночи в кабинете первого заместителя председателя облсовета Александра Сергеевича Саломаткина прошло первое организационное совещание тех, кто прибыл на защиту Советов. Александр Сергеевич был в белой сорочке, в галстуке, строг и подтянут. Говорил кратко, лаконично:

– Думаю, нет никакой необходимости объяснять, что происходит в стране. Ельцин решил совершить антиконституционный переворот – разогнать Советы. Дальнейшая судьба Советской власти – в наших руках, судьба страны зависит от каждого из нас. Мы должны сделать все, чтобы не допустить диктатуры...

Мы слушали Саломаткина молча, сосредоточенно. Мы не чувствовали себя обреченными, но ответственность момента понимали. Каждый был готов на все, что от него зависело.

И мы противостояли мракобесию, как могли. Буквально с первых минут и до последних, когда Ельцин уже отдал распоряжение ввести в Москву танки и бронетранспортеры. Тринадцать дней и ночей продолжалось противостояние народных депутатов и поддерживающих их советских людей с ельцинским режимом. Скажу сразу, с каждым днем дух сопротивления не угасал, а нарастал. Истинные сыны России в схватке с ельцинизмом жаждали победы, и они победили бы, если б в самый критический момент развязки на сторону ельцинистов не встала армия, раньше считавшаяся народной. После разгрома Дома Советов я услышал от одного из ветеранов-чебаркульцев такую историю. Фронтовик-отец упрекнул своего сына-танкиста: “Как вы могли допустить такое, чтобы кучка мерзавцев стреляла в свой же народ?” Его сын, чуть поддатый, ответил с бравадой: “Если б мне, батя, заплатили такие бабки, как им, я бы тоже расстрелял кого угодно”. Чудовищно, но это факт! Вот какое поколение “защитников” вырастили мы в последние годы! Так что ответственность за события 93 года – на всех нас.

В ту памятную ночь с 21 на 22 сентября в областном Совете, кроме работников аппарата, собрались десятки активистов различных партий и общественных движений, находящихся в оппозиции к нынешнему режиму. Тут были и коммунисты – руководители и рядовые члены всех четырех компартий (РКРП, КПРФ, РПК, ВКПБ), и молодые ребята-комсомольцы, и лидеры национально-патриотических движений – Российского общенародного союза и Русского национального собора. Перечислить всех невозможно, но основные фигуры все-таки назову. Это – Александр Дорохов, Вячеслав Матвеев, Юрий Холщигин, Анатолий Белоглазов, Петр Свечников, Лев Леонов, Вадим Алябьев, Александр Крайнов, Сергей и Александр Петровы, Виталий Княгиничев, Олег Князев и многие-многие другие. От областного Совета с нами постоянно контактировали председатель по делам военнослужащих и казачества Валерий Судариков, народный

депутат Людмила Попова и ряд других. Тут были и рабочие, инженеры, учителя, ученые и даже предприниматели. Очень много ветеранов Великой Отечественной войны и труда. И что особенно отрадно, среди нас было немало студентов и даже несколько школьников. Это Марат Камалов, который сейчас заканчивает юрфак ЧелГУ и активно работает с молодыми коммунистами в Калининской парторганизации, Семен Хрюкин, которому в ту пору было всего четырнадцать лет. Он, высокий, красивый, искренний и добрый, буквально покорила всех нас. Мы доверили ему дежурить на телефоне. А телефоны в те дни трещали, как в Смольном. И Семен на все звонки давал исчерпывающие ответы, записывал нужную нам информацию.

Видели бы вы его глаза, полные слез, когда по телевидению показывали танки, расстреливающие Верховный Совет. Казалось бы, не выдержит сердце юного патриота. Ан, нет. Напротив, он стал еще более убежденным гаврошем. Семен распространял листовки, партийные газеты. А кроме всего прочего, выполнял задание обкома РКРП – вывешивал красные флаги на здании, что стоит слева на площади Революции, возле трамвайной остановки. Демократы снимали их почти каждую неделю. Пройдет дня два-три – красный стяг снова на месте. Это работа Семена и его помощников.

Был случай, когда без разрешения старших товарищей он решил в полночь забраться на крышу здания областной администрации и сменить власовские флаги на красные. Дежурные милиционеры заметили юного смельчака, задержали его. Почти пятнадцать суток провел Семен в камере предварительного следствия. К этой истории пришлось подключиться очень авторитетным сторонникам левой оппозиции, чтобы убедить милицию отпустить школьника подобру-поздорову.

А несколько лет назад, в ночь с 6 на 7 ноября, группа негодяев спровоцировала драку, и в этой драке Семен был убит каким-то тупым предметом. Нет доказательств, что это было преднамеренное убийство, но в том, что этот парень пострадал за правое дело, никто не сомневается. В центральной левой прессе его называли Бумбарашем. Пожалуй, таким он и был. А один из ветеранов Отечественной войны просил челябинских коммунистов вручить матери Семена его фронтовой орден, которым он был награжден за храбрость и мужество в боях с немецко-фашистскими захватчиками. “Этот отважный парень вполне заслуживает боевой награды!”, – заметил фронтовик. Такова судьба одного из защитников нашего областного Совета.

Мои отступления в этих очерках будут постоянными, поэтому прошу читателей учесть эту особенность, привыкнуть к ней.

Не стану рассказывать о круглосуточной, напряженной и драматичной работе сотрудников областного Совета и крохотной администрации П.И. Сумина – это тема для самостоятельного и большого рассказа. Частично ее коснулся в своей книге “Противостояние” активный участник тех событий Александр Саломаткин. Ученый-юрист, он подробно рассказал о противостоянии областного Совета и администрации В. Соловьева, в том числе поведал о событиях сентября-октября 93 года. Я же в своих очерках остановлюсь в основном на отдельных штрихах многогранной деятельности общественных патриотических организаций.

КОМИТЕТ ПО ЗАЩИТЕ КОНСТИТУЦИИ

В первые же часы ельцинского путча в здании областного Совета собрались члены общественного Комитета по защите Конституции и Советской власти, созданного в марте, в день обращения Ельцина со своим знаменитым ОПУСом. Тогда насильственный захват власти Ельцину не удался – не поддержали силовики, зато в Челябинске, как и в других городах России, были созданы Комитеты по защите Конституции. И вот наступило время конкретных дел. Должен сказать, что Челябинский комитет в эти черные для страны дни сделал все, что было в его силах.

Во-первых, Комитет принял решение о круглосуточном дежурстве в здании облсовета, чтобы не допустить насильственного захвата помещения сторонниками так называемых реформ. И все 14 суток мы дежурили здесь вместе с усиленными нарядами

милиции и патриотически настроенными казаками. Мы были готовы ко всему – даже к отпору штурма здания. Ведь мы встали на защиту нашей родной власти – Советской.

В первые же часы и я, и Лев Леонов вместе с руководителями объединенного комитета коммунистов написали обращение к жителям Челябинской области, в котором призывали земляков оказывать всяческое содействие Советам и, напротив, бойкотировать противоправные действия путчистов. С этим обращением на рассвете 22 сентября пошли на радиостанцию “Новая волна-2”. Ее президент (несмотря на то, что его отец был фронтовиком и членом нашей Курчатовской партийной организации) наотрез отказался предоставить нам эфир, но мы все же настояли на том, чтобы он записал наше выступление. Прозвучало оно в эфире или нет – не знаю. В семь утра пришли на областное радио. Здесь та же история: эфир только для официальных лиц, к которым мы никак не относились. Но услышав записи челябинцев, сделанные журналистом Сергеем Зверевым на ночных улицах города, стали настойчиво доказывать, что мы такие же граждане, что записаны на пленку, только сами пришли на радио. Мне было особенно обидно оттого, что еще несколько лет назад я работал на этом самом радио, вел популярную среди молодежи программу “Уральский меридиан”, даже был удостоен за нее областной комсомольской премии “Орленок”. А вот наступил решающий момент – и люди, хорошо знающие меня, не допускают до микрофона. Только потому, что я – красный. В перепалке с руководителем отдела новостей Челябинского радио Сергеем Зверевым и председателем правления ЧГТРК Виталием Понуровым не обошлось без крепких выражений, мы с Леоновым даже пригрозили им: “Если победим, ваша трусость вам с рук не сойдет”. В конце концов сопротивление руководства удалось сломить. Нас обоих записали и вечером выдали в эфир.

Гораздо оперативнее сработали листовки. Наши первые обращения к челябинцам – боевые, искренние, зовущие на борьбу с ельцинизмом – появились в четыре утра на площади Революции, на зданиях жилых домов, в общественных местах, на проходных крупнейших заводов. Потом в течение дня число их увеличивалось. Листовок было так много, что администрация В. Соловьева не смогла не заметить. На следующее утро пресс-секретарь областной администрации Борис Митюрёв, выступая по Челябинскому радио, с издевкой говорил о наглой вылазке “коммуно-фашистов”. “В своих листовках они призывают население к народной священной войне”, – заявил он. Не подозревая того сам, Митюрёв оказал нам неплохую услугу: обнаружил содержание наших листовок.

Несколько слов о дальнейшей судьбе Б. Митюрёва. После расстрела Дома Советов он, кажется, прозрел. А после поражения В. Соловьева на губернаторских выборах в декабре 1996 года окончательно выбыл из команды демократов. Более того, он запил. Запой его носили все более систематический характер. Однажды, находясь в Чебаркуле в командировке, он в пьяном виде ушел в лес и там замерз. Его отыскивали лишь спустя несколько дней. Сломался человек, надломился душевно. А какой он был умница, прост в обращении с коллегами. Я помню его еще в пору работы заместителем редактора “Вечерки”, он был секретарем партийной организации. А потом его назначили главным редактором на телевидении. Это был талантливый журналист!

Даже мы, вчерашние непримиримые враги, в последнее время обменивались рукопожатиями и находили добрые слова, чтобы сказать друг другу. Мне искренне жаль Бориса, а причиной его гибели считаю его слабую волю и то обстоятельство, что в наше жестокое время он не нашел в себе силы противостоять мракобесию, политическим дрызгам, которые обрушились на всех, но особенно на нашего брата-журналиста. Он просто плыл по течению обстоятельств, не сопротивляясь, и был снесен с дороги мощным мутным потоком мусора.

Газеты, радио и телевидение в те дни давали искаженную информацию о происходивших событиях. Особенно “бесновалось” областное радио, а главный редактор общественно-политических передач телевидения Вячеслав Болотников, отличающийся объективностью, даже был лишен возможности выходить в эфир. Мы решили провести пикетирование Челябинской телерадиокомпании. Пришли к началу рабочего дня с плакатами, на которых было начертано: “Эфир должен нести людям правду!”, “Понуров,

уйди в отставку!”, “Руки прочь от Болотникова!”. Председатель правления телерадиокомпании В. Понуров, увидев наши хлесткие плакаты, вызвал милицию. Тут же приехал наряд. Мы объяснили, что отцы и матери, которые стоят перед зданием с плакатами, хотят только одного – знать правду. Милиционеры, удостоверившись, что ни пьяных, ни хулиганов среди нас нет, сели в машину и укатили восвояси. Провокация Понурову не удалась.

Учитывая, что в СМИ давалась в основном искаженная информация, мы сами возложили на себя обязанность информировать население. 22 сентября, во второй половине дня, появился информационный листок “Сообщение Челябинского комитета по защите Конституции и Советской власти”, в котором сделали краткий анализ происшедших событий. В конце указали телефон, по которому можно было с нами связаться. С этого момента наш телефон не умолкал. Звонили ветераны и молодые, что поддерживали нас. Звонили с предприятий Челябинска, из других городов. И даже из воинских частей. Воины возмущались, почему мы не едем в гарнизоны. Люди интересовались, что же происходит в Москве на самом деле. Мы рассказывали, что знали. А благодаря контактам с другими городами Урала и Западной Сибири мы имели более или менее реальное представление о том, что происходило во всем нашем регионе. Иногда звонили пожилые люди и с дрожью в голосе говорили: “Спасибо, сынки, за то, что вы есть, отстаиваете Советскую власть. Низкий поклон вам за это!” Это вдохновляло нас.

Тут же замечу, 4-5 октября, сразу после расстрела Верховного Совета, звонки приобрели диаметрально противоположный характер. “Это коммунисты? Вас еще не повесили?” – шипели на другом конце провода.

Наши листовки выходили ежедневно, по 1000-1500 и более штук. Активисты комитета приходили к нам, забирали их и ехали с ними на ЧТЗ, ЧМК, электрометаллургический комбинат, в локомотивное депо. Звонили даже селяне и просили оставить листовки для них.

Безусловно, не обходилось и без недружелюбных актов. Однажды вернулась из локомотивного депо престарелая учительница. Она распространяла среди локомотивщиков свежие листовки. Смотрю, глаза ее полны слез.

– В чем дело? – интересуюсь.

– Меня мужики прогнали из локомотивного депо. “Тебе, бабка, кладбище прогулы ставит, а ты тут политику разводишь. Не мути народ!”

И такие были инциденты.

Листовками деятельность нашего комитета не ограничивалась. Мы понимали: прежде всего нам нужна непосредственная связь с промышленными предприятиями, с трудовыми коллективами. Договорились с профкомом ЧЭМК. Члены комитета Лев Леонов и Юрий Холщигин выехали на комбинат. Здесь им организовали встречу с электрометаллургами. Члены комитета рассказали о происшедших событиях, ответили на жгучие вопросы, призвали рабочих оказать Советам действенную помощь. А затем, когда наши посланцы уже возвращались к заводской проходной, обратили внимание: на самых видных местах висели их листовки.

Вспомнили и о такой форме, как информационные встречи. Главную из них мы провели в первые же дни ельцинского путча в большом зале областного Совета. Он вмещает не менее четырехсот человек. Зал был полон народа. Несмотря на угрозы расправы с депутатами, люди все же не напугались, пришли. Мы, члены Комитета по защите Конституции, и Леонтий Михайлович Рабоченок, представлявший оппозицию Соловьеву, проинформировали собравшихся о событиях, происшедших в Москве, о поддержке местных депутатов, о практических шагах нашего комитета. Выступило всего несколько человек. Горячо, остро, взволнованно. Помню свое состояние: выступал, а сердце в груди готово было разорваться от волнения. Каждое слово – как пуля, как осколок гранаты. Говорил о том, что наступил момент истины, проверки на совесть каждого из нас. Лично мы (имел в виду членов комитета) готовы пожертвовать собой во имя спасения Отечества. В огромном зале была такая напряженная тишина, что, казалось, муха пролетит – услышишь. Люди верили нам, и это нас вдохновляло.

С каждым днем добровольных помощников у нас становилось все больше и больше. Люди приносили писчую бумагу, листы ватмана, краски, клей, бумагу для факса. Не забыть бескорыстие и щедрость ряда специалистов научно-исследовательских институтов: Юрия Викторяновича Морянова, Эдуарда Степановича Саютина и др. А потом появились и профессиональные художники. Они рисовали карикатуры на вдохновителей путча – Ельцина, Гайдара, Чубайса, Бурбулиса, на их местных прислужников – Вадима Соловьева, Валентина Селезнева, Виктора Христенко, Владимира Головлева, Александра Починка и др. Эти плакаты мы выставляли в окнах первого этажа областного Совета. Броские заголовки, едкие смешные надписи привлекали внимание прохожих. Кроме того, ежедневно вывешивали стенд “Окно правды”. На нем были наклеены последние сообщения нашего комитета, постановления Верховного Совета и X Внеочередного Съезда народных депутатов, распоряжения утвержденного Съездом и.о. президента Александра Руцкого. Люди хотели знать правду, они тянулись к ней.

В эти дни мне довелось познакомиться с двумя помощниками-оформителями. Один из них – Сергей Кетько – был преподавателем Челябинского высшего военного командного училища штурманов. Другой – копейский художник и литератор, карикатурист «Советской России» Александр Кибальник. Оба они делали отличное профессиональное оформление. Это им прежде всего мы обязаны всей нашей наглядной агитацией.

Говорят, истинный друг познается в беде. Сентябрь и октябрь 93 года были для нашей страны большой бедой. И эти люди проявили свои лучшие мужские качества, стали верными и надежными друзьями. Вместе с Сергеем Кетько, спустя несколько лет, мы выпустили несколько сборников, посвященных жизни и государственной деятельности И.В. Сталина. А весной 2003 года Сергей принес воспоминания своей матери З.К. Некрутовой «Этот ослепительный миг», в которых она рассказывает о своем участии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Она была и медсестрой, и снайпером, и начальником радиостанции. За личную храбрость и военную сноровку награждена боевыми орденами и медалями. В своей книге она искренне и с волнением делится душевной болью и тревогой по поводу развала Советского Союза, того, что наши дети и молодежь остались без идеалов, предоставлены самим себе. Сергей Кетько попросил меня отредактировать эту книгу. Я это сделал с удовольствием и жду, когда она выйдет в свет. Думается, книжка эта будет интересна не только родным и близким Сергея, но и всем, кто ее прочтет.

Александр Кибальник пережил октябрьскую трагедию не менее драматично, чем я. По горячим следам он нарисовал политический памфлет «Расстрел Конституции» (он на обложке этой книги). Окруженный со всех сторон танками, ельцинисты в упор расстреливают своих соотечественников, причем лучших представителей нашего народа. Художник нарисовал расстрел Дома Советов на фоне Конституции Российской Федерации. Фактически так оно и было. Ельцин и его пособники расстреляли не только здание Верховного Совета, но и саму Российскую Конституцию. А потом Саша Кибальник выпустил сборник карикатур, объединенных патриотической темой. Его книжка имела успех. Он продолжал активно сотрудничать с патриотической прессой. В 2000 году А. Кибальник за свое творчество был признан лауреатом «Советской России». Я считаю, это высокое признание для художника, творческой личности и патриота.

Кроме карикатур, А.Кибальник занимается прозой. Он выпустил сборник рассказов, которые отличают тонкий самобытный юмор, профессионализм, правда жизни.

Весной 1999 года я выпускал «Повесть о русском генерале» о дважды Герое Советского Союза командире танковой бригады Василии Архипове. Вопрос встал об оформлении. Александр Кибальник сам вызвался сделать оформление. Я понимал, что в карикатурных делах он дока, а сможет ли оформить книгу о нашем земляке-танкисте? Смог, причем отлично. Я очень благодарен ему за продуманное и профессиональное оформление этой книги.

В день моего 60-летия Саша подарил мне лирический этюд «Ветка сирени», который я повесил в рабочем кабинете. Каждый, кто приходит ко мне в гости или по служебным

делаем, невольно обращает внимание на эту картину. Она привносит в нашу деловую обстановку душевность, лиричность, настоящую поэзию.

Спустя некоторое время Александр организовал выставку своих работ в помещении Челябинской писательской организации. В ней были представлены в основном лирические полотна, запечатлевшие живописные уголки Уральского края. В картинах – много света и пространства, ярких красок. Как видим, А. Кибальник не только карикатурист и тонкий юморист, но и настоящий художник-поэт.

Вот какие люди пришли в трудные дни сентября-октября 93-го защищать свою родную Советскую власть!

Печатать листовки нам помогали технические работники облсовета. Но в субботу и воскресенье они не работали. И тут на помощь пришли добровольцы. Однажды нам позвонил сотрудник Челябинского заочного филиала Московского института экономики, он предложил свои услуги. Думаю, спустя десять лет можно назвать его своим именем. Это Борис Александрович Макарычев. Мы приехали к нему, поговорили по душам. Оказался настоящим советским человеком.

– Очень люблю летом плавать на шлюпках по рекам, – рассказывал Б.А. Макарычев за чашкой кофе. – Раньше мы плавали по Алтаю и Сибири, Башкирии и Уралу вместе с ребятами из Прибалтики, Украины и Белоруссии. А теперь никак не можем собраться – все разорвано, все трещит по швам. Что наделали «вожди» с нашей страной!

В тот субботний день после обеда в городе появились листовки, изготовленные с помощью этого патриота.

Люди знали, что нам нужны деньги, и нам несли их. Каждый давал сколько мог. Мы насобирали несколько десятков тысяч. Для осени 93 года это было немало. Деньги выделяли на бумагу, краски, на другие неотложные цели.

«ПРЕМУДРЫЕ ПЕСКАРИ»

Работая здесь, мы все же и душой и сердцем были с москвичами, рвались на помощь им. В самые первые дни я и помощник П.И. Сумина по работе с избирателями Юрий Лотош обратились к председателю облсовета Анатолию Александровичу Начарову с просьбой командировать нас в Москву, в распоряжение Верховного Совета. С нами был готов поехать и мой друг Борис Мочалов.

– Мы можем пойти в трудовые коллективы, воинские части, редакции газет и журналов. В критической ситуации готовы на все – мы служили в Советской Армии, двое из нас – офицеры, – сказал я.

А Юрий Лотош добавил:

– Поймите, Анатолий Александрович, меня правильно: Петр Иванович сейчас в Москве, в Доме Советов, мое место – рядом с ним.

При этих наших словах, как мне показалось, Начаров сначала побледнел, затем побагровел, а потом отправил нас к управляющему делами. С ним мы встретились на лестничной площадке. Когда заговорили о поездке в Москву, он и слушать нас не захотел.

Тут же замечу: после расстрела Верховного Совета Начаров буквально через пару недель, бросив на произвол судьбы своих сослуживцев по облсовету, пошел на службу к Соловьеву, стал начальником областного управления профтехобразования. Представлял его в этой новой должности не кто иной, а лично Вадим Павлович. Интересно, когда и на каких условиях состоялся торг между ними, вчерашними «непримиримыми врагами»? За сколько сребренников предал Анатолий Александрович свои убеждения и идеалы Советской власти, если, конечно, они были у него? Теперь-то понятно, что с такими «вождями» на местах, как Начаров, в общем-то справедливое дело народных депутатов, не согласившихся с ельцинским Указом о их роспуске, было обречено на поражение.

Вспоминаю такие детали. То сибиряки, то ленинградцы выступали с инициативой собраться руководителям представительных органов власти, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию и действовать сообща. Насколько мне известно, ни в одной из встреч руководители Челябинского областного Совета не приняли участия. Что это:

предусмотрительность «премудрых пескарей», подстраховка на всякий случай или циничная трусость и коварное предательство? Не буду делать выводы, пусть их сделают сами читатели.

* * *

Ниже я подробно расскажу об участии челябинцев в защите Дома Советов, но никто из них не вел дневников, не записывал хронику тех дней. Уже в дни работы над этой книгой я наткнулся на газету «Дума» (за октябрь 1996 года), выпускаемую фракцией коммунистов в Государственной думе РФ. Этот номер почти целиком посвящен событиям осени 93 года. Основной материал – фрагменты из книги депутата Госдумы Татьяны Астраханкиной «Кровавый октябрь 93-го». Прочел их – это то, что мне надо: достоверные факты, имена и фамилии активных расстрельщиков и защитников Дома Советов, цифры погибших, которым можно доверять. Ибо талантливую журналистку и руководителя тверских коммунистов Татьяну Астраханкину я хорошо знаю. В 1994 году она в составе депутатов Госдумы была в Челябинске, мы встречались с ней, договорились о сотрудничестве. А позднее Татьяна Александровна сама предложила мне стать ее помощником как депутата Госдумы.

Откровенно говоря, я обрадовался своей находке и решил полностью включить опубликованные в «Думе» фрагменты из ее работы в свою книгу. Тематически мы перекликаемся и взаимно дополняем друг друга.

Татьяна АСТРАХАНКИНА

КРОВАВЫЙ ОКТЯБРЬ 93-го

Ненасильственное противодействие путчу

С самого начала путча собравшиеся в Доме Советов депутаты Верховного Совета, а затем X Внеочередного (чрезвычайного) съезда народных депутатов занимались нормальной законотворческой деятельностью по противодействию государственному перевороту.

Поздно вечером 21 сентября Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев в судебном заседании действия и решения Президента России, связанные с его указом № 1400, нашел их не соответствующими десяти (!) статьям действовавшей Конституции и служащими основанием для немедленного прекращения полномочий Б.Н. Ельцина в соответствии со статьей 121-б. Это решение Конституционного Суда было подтверждено в установленном порядке Постановлениями президиума Верховного Совета и Съезда народных депутатов.

С 21-00 21 СЕНТЯБРЯ 1993 ГОДА ЕЛЬЦИН НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИИ! ВСЕ ИЗДАВАЕМЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ, ВКЛЮЧАЯ «ЗАКОНЫ» О ВЫБОРАХ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРА, НЕ ИМЕЮТ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ!
(текст выделен Т. Астраханкиной).

В соответствии с Конституцией к временному исполнению обязанностей Президента России был приведен вице-президент А.В. Руцкой, назначивший в установленном законом порядке новых «силовых» министров – В.П. Баранникова (безопасности), А.Ф. Дунаева (внутренних дел) и В.А. Ачалова (обороны).

Для расследования совершившегося государственного переворота X Съездом был назначен специальный прокурор – народный депутат В.И. Илюхин, незамедлительно возбудивший уголовное дело против Ельцина и других должностных лиц – соучастников путча.

С самого начала переворота вокруг Дома Советов непрерывно находились сотни граждан, добровольно, по призыву совести и общественного долга выступивших на защиту Конституции и Парламента России против самовластного произвола. Для предотвращения насильственного разгона Верховного Совета и демонстрации

поддержки Конституции и позиции депутатов они образовали «живой щит» вокруг Парламента. Среди защитников Конституции и Парламента было много стариков, женщин и детей. Все они были безоружны.

Постановлением Съезда народных депутатов от 24 сентября 1993 года **ДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН ПО ЗАЩИТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ, ПРЕОДОЛЕНИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА РАСЦЕНИВАЮТСЯ КАК ВЫПОЛНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА.**

Блокада Парламента

Начиная с 28 сентября Дом Советов был полностью блокирован, окружен сплошным кольцом поливальных машин, проволочным заграждением («спираль Бруно», запрещенная международной конвенцией) и частями внутренних войск и ОМОНа, имевших на вооружении, помимо бронезилетов, дубинок и касок также автоматы, спецсредства «Черемуха», БТРы и водометные установки. К осажденному Парламенту не пропускали машины скорой помощи, даже по вызову с такими диагнозами, как «острое нарушение мозгового кровообращения», «перелом шейного отдела позвоночника» и «нестабильная стенокардия». Температура в здании, лишенном тепла, опустилась ниже 8 градусов Цельсия.

Террор на улицах Москвы

Главную вооруженную силу заговорщиков, готовую «идти до конца», не останавливаясь перед крайними формами насилия, составили спецподразделения МВД и, в частности, специально подготовленные для путча ОМОНЫ, собранные в Москву из 29 регионов России.

Начиная с 27 сентября 1993 года подразделения ОМОН развязали на улицах Москвы настоящий террор против граждан, вставших на защиту Конституции и Парламента. Мирные митинги и демонстрации в районе блокированного Дома Совета, проводившиеся в соответствии с действовавшим законодательством, зверски разгонялись. Людей, не взирая на возраст и пол, избивали дубинками, кулаками. Упавших били ногами. Удары наносились куда попало, в том числе по голове и в пах. 29 сентября, при разгоне митинга у станции метро «Баррикадная» озверевшие ОМОНовцы загнали людей в вестибюль метро и продолжали преследовать бегущих, сталкивая их по движущемуся эскалатору. Задержанных доставляли в отделения милиции, где они также подвергались жестокому и бесчеловечному обращению. Жертвами террора МВД стали не только защитники Конституции, но и случайные прохожие. Целью этих людей было не только запугивание населения, но и провоцирование ответных насильственных действий, массовых беспорядков, которые дали бы заговорщикам внешний повод силой расправиться с защитниками Парламента.

Массовый расстрел у телецентра «Останкино»

Затягивание ликвидации Верховного Совета и Съезда народных депутатов, усиление противодействия перевороту со стороны органов власти в регионах, профсоюзов, общественных и политических организаций, миротворческая миссия Русской Православной Церкви, растущие по всей стране акции гражданского протеста подталкивали заговорщиков к «силовому» варианту действий. Нужен был лишь повод, который послужил бы оправданием применению насилия.

2 октября в загородной резиденции «Завидово» состоялось тайное совещание главных участников заговора. В нем, помимо бывшего президента, присутствовали В.С. Черномырдин, В.Ф. Шумейко, А.В. Коржаков, М.И. Барсуков, П.С. Грачев, В.Ф. Ерин, Е.Т. Гайдар, Ю.М. Батулин, С.А. Филатов, А.В. Козырев, В.И. Панкратов, Ю.М. Лужков, М.И. Полторанин и К.И. Кобец. Было принято политическое решение о штурме Дома Советов утром 4 октября. Разработку операции поручили Коржакову и Барсукову.

3 октября в 14-00 на Октябрьской площади должен был состояться общемосковский митинг в поддержку Верховного Совета и Съезда, разрешенный Моссоветом. К началу митинга площадь блокирована подразделениями МВД. На митинг собралось несколько десятков тысяч человек. Провокаторам – одетым в гражданское

сотрудникам МВД – удалось направить толпу численностью 1000-1500 человек на прорыв умышленно ослабленного оцепления, стоявшего на Крымском мосту. Толпа, увлекая за собой основную массу манифестантов, по Садовому кольцу, а затем по улице Новый Арбат прорвалась к Дому Советов и разблокировала его. Эта акция должна была стать поводом для захвата Дома Советов, который немедленно начался от мэрии, на безоружных людей в сторону Дома Советов пошли в атаку автоматчики МВД. Открыли огонь снайперы. Появились убитые и раненые (убито 7, ранено 34 человека).

Атака МВДэшников захлебнулась: 2 роты Софринской бригады внутренних войск под командованием полковника Васильева, обстрелянные ельцинскими снайперами, и 200 солдат дивизии им. Дзержинского объявили о переходе на сторону Верховного Совета. Эти части в дальнейшем не принимали участия в разыгравшейся трагедии.

Обстрел манифестации послужил причиной занятия защитниками Парламента здания мэрии и находящейся рядом гостиницы «Мир», в которой располагался оперативный штаб ГУВД Москвы и дивизии им. Дзержинского. Оба здания были заняты без единого выстрела.

Агентами МВД было спровоцировано перемещение основной массы манифестантов к «империи лжи» – телецентру «Останкино». Люди шли требовать предоставления слова законной власти, народу. Провокаторами из МВД были созданы условия для более быстрой переброски людей к телецентру: у мэрии были оставлены грузовики для перевозки личного состава со вставленными ключами зажигания. В автобусе, на котором приехал ОМОН, «забыли» гранатомет, которому отводилась роль повода к началу массового расстрела...

Телецентр «Останкино» был с утра занят частями МВД. Незадолго до прибытия к телецентру первых манифестантов к этим частям присоединилось и заняло огневые позиции спецподразделение «Витязь» под командованием подполковника С.И. Лысюка, которое должно было стать основным исполнителем карательной акции.

Расстрел начался в 19-12. Непосредственным поводом к его началу послужил якобы произведенный манифестантами выстрел из упоминавшегося выше гранатомета по зданию телецентра (АСК-3).

Следствие, проведенное Генеральной прокуратурой Российской Федерации, неопровержимо установило: **ВЫСТРЕЛА ИЗ ГРАНАТОМЕТА НЕ БЫЛО.**

Агент МВД – некто С. Смирнов, бывший офицер спецназа МВД (откуда его умение обращаться с гранатометом), а на момент соучастия в военном преступлении – участковый инспектор 72 отделения милиции г. Санкт-Петербурга, имитировал выстрел из гранатомета по зданию телецентра (АСК-3). При этом граната выпала из ствола гранатомета к его ногам, а сам Смирнов, одетый в новенький бронезилет улучшенной конструкции (знал, что может попасть под огонь своих!), бросился бежать прочь. В этот момент соучастники Смирнова из спецподразделения «Витязь» взорвали внутри здания телецентра свето-шумовую гранату (т.н. изделие «Пламя»), имитируя взрыв гранаты гранатомета.

И СРАЗУ ЖЕ, ПО ПРИКАЗУ – «ВИТЯЗИ – ЗАЛП», ОБРУШИЛИ ШКВАЛЬНЫЙ ОГОНЬ НА БЕЗОРУЖНЫХ ЗАЩИТНИКОВ КОНСТИТУЦИИ.

Убийцы из «Витязя» расстреливали всех, не взирая на возраст и пол, включая людей, пытавшихся вынести раненых, и медработников. Расстреливали с наслаждением, все больше входя в раж от пролитой крови.

Примерно через 2 часа после начала расстрела генерал-майор П.В. Голубец вызвал БТРы спецподразделения «Витязь», которые сначала обстреляли здание телецентра (чтобы имитировать следы «штурма» манифестантами), а затем расстреляли большую колонну демонстрантов, пешиком подошедшую к «Останкино» по улице Академика Королева. Жертвой обстрела здания телецентра стал рядовой «Витязя» Н.Ю. Ситников, убитый пулей из крупнокалиберного пулемета БТР.

По официальным данным на 5 октября 1993 г. во время массового расстрела в Останкино погибло 64 и получили ранения различной степени тяжести 496 гражданских лиц (позднее количество погибших таинственным образом сократилось» до 46 человек).

Имели место случаи жестокого и бесчеловечного обращения и добивания раненых, и раздавливания раненых БТРами.

Массовый расстрел безоружных защитников Конституции и Парламента у телецентра «Останкино» был представлен в соучаствующих средствах массовой информации как вопиющий акт вандализма и насилия со стороны защитников Конституции и повод для штурма Парламента. Особенно злоеущую роль в распространении этой заведомой лжи и нагнетании антипарламентской истерии сыграли В.И. Брагин, О.М. Попцов, М.Н. Полторанин, В.Ф. Шумейко, дикторы Н. Сванидзе, С. Сорокина, А. Шашков, В. Виноградов, а также Г. Явлинский, адвокат А. Макаров, актриса Л. Ахеджакова, Г. Хазанов, Т. Миткова, Е. Киселев и др.

Расстрел Парламента России

Штурм начался 4 октября в 7-15 утра. Помимо подразделений МВД, в нем приняли участие армейские части, вовлеченные в активные преступные действия частью высшего генералитета во главе с министром обороны П.С. Грачевым. Накануне В.С. Черномырдиным был создан «оперативный штаб» по расстрелу Парламента, в состав которого вошли О.Н. Сосковец, М.Н. Полторанин, Д.А. Волкогонов, К.И. Кобец, В.И. Самойлов и Ю. Родионов. «Штаб» осуществлял параллельное руководство Министерством обороны.

Штурм начался без предупреждения, предложений сдаться, вывести стариков, женщин и детей (об их присутствии в здании штурмующим было известно) или предъявления ультиматума о капитуляции.

Штурмующие имели преимущество в численности вооружения, не диктовавшееся военной необходимостью: на 62 автомата сотрудников Департамента охраны Верховного Совета приходилось 80 БТРов, 10 танков, 60 БМД, 20 БМП, 15 БРДМ, 60 единиц бронетехники МВД (БТРы, БМП и спецмашины), 102 снайпера и более 40 тысяч военнослужащих МО и ВМД.

Первым варварским актом штурмующих стал расстрел из автоматического оружия и БТРов безоружных людей на площади перед Домом Советов со стороны стадиона «Красная Пресня». Здесь было убито несколько сот человек. По свидетельству очевидцев вся площадь была усеяна убитыми и ранеными, которых не давали вынести под шквальным огнем. БТРы давили людей, спавших в стоявших на площади палатках.

С первых минут штурма по Дому Советов велся плотный огонь из автоматического оружия, снайперских винтовок и бронетехники, приведший к появлению большого числа убитых и раненых среди защитников Конституции и Парламента.

В 10-00 начался расстрел Дома Советов из танков Таманской дивизии (командир генерал-майор В.Г. Евневич). Стреляли, в том числе кумулятивными снарядами и снарядами объемного взрыва, разрывавшими людей на части. От разрывов снарядов возник сильный пожар, быстро распространявшийся по зданию.

ВАРВАРСКИЙ РАССТРЕЛ ПАРЛАМЕНТА ПРОДОЛЖАЛСЯ С НЕБОЛЬШИМИ ПЕРЕРЫВАМИ ОКОЛО 10 ЧАСОВ, ВПЛОТЬ ДО РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ПОКИНУТЬ ГОРЯЩЕЕ ЗДАНИЕ. ОТВЕТНОГО ОГНЯ ЗАЩИТНИКИ ПАРЛАМЕНТА, ПО ПРИКАЗУ А. РУЦКОГО, НЕ ВЕЛИ!

Многочисленные призывы защитников Парламента дать вывести из здания стариков, женщин, детей и раненых остались без ответа. Отказался прекратить варварский расстрел и глава мятежного правительства В.С. Черномырдин. На обращенный лично к нему призыв президента Калмыкии К. Илюмжинова и Ингушетии Р. Аушева, побывавших в середине дня 4 октября в Доме Советов, остановить убийство безоружных людей, он ответил: «Никаких переговоров! Надо перебить эту банду!..»

Для поддержания ярости штурмующих и вовлечения в штурм новых подразделений широко использовались алкогольные напитки, дезинформация о гибели сослуживцев и «зверствах» защитников Парламента, обстрел брошенных на штурм частей снайперами Главного управления охраны Президента (начальник А.В. Коржаков) и Министерства безопасности (министр Н.М. Голушко), а также провокации, имеющие

целью вызвать вооруженное столкновение отдельных подразделений, штурмующих Дом Советов, между собой.

ДЕЙСТВОВАЛ ПРИКАЗ ЕРИНА-ГРАЧЕВА-КУЛИКОВА-БАРСУКОВА: УНИЧТОЖАТЬ ВСЕХ, НАХОДЯЩИХСЯ В ДОМЕ СОВЕТОВ.

Штурмующие широко использовали средства поражения, запрещенные международными договорами и конвенциями (пули со смещенным центром тяжести, разрывные, с химической начинкой и др.).

При этом взаимодействие частей, штурмовавших Дом Советов, было организовано плохо. «На стыках» возникали вооруженные столкновения, сопровождавшиеся потерями в живой силе и технике. Так, завязался бой между военнослужащими 119 парашютно-десантного полка ВДВ и дивизии им. Дзержинского, в ходе которого был уничтожен 1 БТР и убито несколько человек с обеих сторон.

Многочисленные преступления были совершены ельцинскими наемниками на близлежащих к Дому Советов улицах и переулках. Велась стрельба по окнам жилых домов (есть убитые среди проживавших в них граждан). Имели место случаи обстрела жилых домов из бронетехники. Бойцы ОМОНа совершали немотивированные, сопровождавшиеся садистскими избиениями, зверские расстрелы граждан, оказавшихся в зоне оцепления вокруг Дома Советов. Немало граждан погибло от рук ельцинских снайперов.

После выхода из здания Парламента многие депутаты и защитники Дома Советов, в том числе старики, женщины и раненые, подвергались жестокому и бесчеловечному обращению со стороны ОМОНовцев и жаждущей крови пьяной толпы проельцински настроенных лавочников и полууголовных элементов. Имели место убийства раненых защитников Конституции.

После выхода депутатов и части защитников Парламента Дом Советов подвергся варварской «зачистке», во время которой двери кабинетов взрывались гранатами, а их содержимое выжигалось огнеметами. Все оставшиеся в здании защитники Конституции (а таких, по некоторым свидетельствам, было вдвое больше вышедших) были безжалостно уничтожены, а их тела без идентификации сожжены или тайно захоронены.

Имели место массовые бессудные расстрелы захваченных защитников Парламента. В ночь с 4 на 5 октября ОМОН, сводная рота ОМСДОН и РУОП ГУВД г. Москвы, под командованием генерала А. Романова, расстреливала раненых и задержанных защитников Конституции на стадионе «Красная Пресня».

СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППОЙ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОСНОВАНИИ БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОРУЖИЯ, ИЗЪЯТОГО У ЗАЩИТНИКОВ ДОМА СОВЕТОВ, УСТАНОВЛЕНО, ЧТО К ГИБЕЛИ ЛЮДЕЙ В ТРАГИЧЕСКИЕ ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ ОНО НЕ ИМЕЕТ ОТНОШЕНИЯ. ВСЕ УБИТЫЕ ПРИ ШТУРМЕ ПАРЛАМЕНТА ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ МО И МВД (25 ЧЕЛОВЕК) ПОГИБЛИ ОТ РУК «СВОИХ» – ТАКИХ ЖЕ ВОЛЬНЫХ ИЛИ НЕВОЛЬНЫХ СОУЧАСТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА.

По официальным данным во время штурма Парламента на близлежащих улицах и переулках было убито 77 гражданских лиц. Из них 27 человек подверглись истязаниям и были расстреляны, трое – ранены и добиты штыком. Один человек скончался от выстрела химическим патроном «Черемуха» в живот. В здании Парламента убитых якобы нет. По оценкам очевидцев, число убитых при штурме Дома Советов составляет, по крайней мере, 1000-1500 человек. Приведу одно свидетельство очевидца – офицера внутренних войск:

«Для меня вопрос чести – сообщить, что я знаю. Официальными органами и официальными средствами массовой информации замалчивается все, что связано с массовым убийством тех, кто был внутри «Белого дома» в этот трагический для России день... **ВСЕГО В «БЕЛОМ ДОМЕ» БЫЛО ОБНАРУЖЕНО ОКОЛО 1500 ТРУПОВ, СРЕДИ НИХ – ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ. ВСЕ ОНИ БЫЛИ ТАЙКОМ ВЫВЕЗЕНЫ ОТТУДА** через

подземный тоннель, ведущий от «Белого дома» к станции метро «Краснопресненская» и далее за город, ГДЕ БЫЛИ СОЖЖЕНЫ».

По характеру совершенного массовый расстрел в Останкино и штурм Парламента России являются военными преступлениями и преступлениями против человечности, наравне со злодеяниями германских нацистов и японских милитаристов, совершенными в годы Второй мировой войны. Они не имеют срока давности. Лица, их совершившие, не могут получить политического убежища и подлежат выдаче.

(Газета «Дума», № 22 (124), октябрь 1996 г.)

КАК НАС РАССТРЕЛЯЛИ

Свидетельствуют наши земляки, защитники Дома Советов

Один из активистов нашего комитета, студент ЧелГУ, целую неделю после занятий в вузе дежурил вместе с нами по ночам в облсовете. А потом он обратился к нам:

– Я – баркашовец. Ребята сказали мне, что сейчас нужен в Москве. Помогите купить билет.

Посоветовали обратиться к одному из работников, который мог решить этот вопрос, но произошла та же история, что и с нами. Тогда мы решили выделить этому парню деньги, собранные в фонд комитета. И он уехал в Москву. Все последние дни сентября и начала октября, самые горячие в этих событиях, находился среди защитников Дома Советов. Пережил весь ужас расстрела Верховного Совета, видел собственными глазами кровь и смерть тех, кто лежал на бетонном полу рядом с ним. В любой момент осколок кумулятивного снаряда или шальная пуля могли попасть в него. Но, пожалуй, самое трагическое потрясение этот юноша пережил 4 октября. Вместе с другими защитниками Дома Совета, оставшимися в живых, его переправили в тюремную камеру. Его били только за то, что он, русоволосый, посмел постоять за честь и достоинство поруганной России. Но варварство ельцинских опричников не сломало его.

Этот парень закончил исторический факультет ЧелГУ. Год назад мы встретились с ним на собрании актива движения «За возрождение Урала». Он выступал. Говорил четко, горячо, продуманно. Я еле узнал в нем того студента, который десять лет назад рванул в Москву на помощь восставшим патриотам. Хочется верить, что боевой дух девяносто третьего навсегда сохранится в его сердце.

Мы помогли также его матери вылететь в Москву на поиски сына. Две недели она искала его среди погибших, а когда они все-таки встретились, ее радости не было предела. Как нет предела возмущению тем, что сотворили в те кровавые дни ельцинисты.

– Я своими глазами видела сотни убитых и изувеченных парней, таких, как мой сын, – рассказывала Маргарита Александровна автору этих строк после возвращения из столицы. – Я видела ужас в глазах такой же матери, как и я, которая нашла среди убитых своего сына. Она рыдала и кричала в истерике: «Будь же трижды проклят этот убийца – Ельцин!» Вслед за той матерью я готова повторить то же самое...

Были среди защитников Дома Советов и челябинские коммунисты. Один из них – Владимир Певцов – рассказывал нам, своим единомышленникам:

– Мы находились, словно на острове, опоясанном колючей проволокой. Спали на бетонном полу, в холодном помещении. У многих не было теплой одежды. Я сильно простыл, меня знобило, но все равно по ночам дежурил на улице вместе со всеми. Врач медпункта, пожалев меня, отдал мне свою теплую шапку.

Никогда не забуду эти мрачные октябрьские дни. Дом Советов защищали и армейские офицеры, и мы, зюгановцы, и тюлькинцы, и анпиловцы, и баркашовцы. И никто из нас не спрашивал, из какой он партии или движения. Перед лицом смертельной опасности все были равны...

Вернувшись из Москвы, Владимир тяжело заболел. Он мужественно боролся за свою жизнь, но здоровье, подорванное в сырые холодные ночи октября на бетонном полу, не выдержало, и спустя пару лет Певцов умер. Во время похорон я прочел строки, которые

хочу привести в этой книге. Они посвящены мужественному защитнику Дома Советов, стоявшему за него до конца.

ЗНАМЯ

**Владимиру Певцову –
защитнику Дома Советов**

Кто сказал, что Октябрь умер,
Что он, вспыхнув, давно погас?
Пока сердце бьется, как зуммер,
Наш Октябрь в душе у нас!

Наши деды прожили, как люди,
А отцы штурмовали рейхстаг.
Мы родились под залпы орудий,
Под тревожные гулы атак.

Время нам подхватить это знамя
И сквозь грозы времен нести.
Пусть оно бунтует, как пламя,
На ветру и у нас в груди!

Пока живы с тобою, товарищ,
Его рано ставить в музей!
В нем не только отблеск пожарищ,
Но и кровь незабытых друзей...
Октябрь 1995 г..

ЛЮДИ ЛОЖИЛИСЬ ПОД ТАНКИ

В октябрьские дни 93-го я встретился с одним из тысяч защитников дома Советов – председателем экономического совета, который существовал при Челябинском областном Совете народных депутатов, Александром Дмитриевичем Кауновым. Встретился в хирургическом корпусе городской больницы, куда Александр Дмитриевич, прихрамывая, пришел для того, чтобы сделать перевязку. В Москве он был зверски избит бейтаровцами, и вся тяжесть и боль переживаний бурлили и клокотали в нем. Во время нашей встречи в горбольнице он рассказал мне потрясающие эпизоды.

– С 28 сентября народные депутаты находились в осажденном Доме Советов. Без воды, без тепла, наконец, без горячей пищи. И вот когда в воскресенье, 3 октября, мощная колонна москвичей прорвала кольцо блокады и подошла к зданию Верховного Совета, можете представить состояние осажденных. Они испытывали чувство радости, свободы, скорой победы. А в это время из окон городской мэрии и гостиницы «Мир» прицельно и методично стреляли в мирную толпу снайперы, засевшие там. С какой целью? Думаю, с одной – чтобы спровоцировать ответные действия. И они добились своего. То тут, то там падали совершенно безоружные москвичи. Буквально рядом со мной упал 50-летний мужчина. Прозвучал клич: «Бей снайперов!» – и разъяренная толпа бросилась к мэрии и, можно сказать, голыми руками взяла ее.

А потом разыгралась драма у телецентра «Останкино». Заметьте, генерал Альберт Макашов и не собирался штурмовать телецентр (при нем всего-то было пятеро вооруженных людей), а пытался вести переговоры с руководством телевидения о том, чтобы народным депутатам предоставили эфир. Рядом с Макашовым находился гранатометчик, как потом выяснилось, подосланный провокатор. Его оружие было на взводе. И вот то ли из здания телецентра, то ли откуда-то со стороны кто-то нарочно, чтобы спровоцировать бойню, а может быть, у кого-то сдали нервы, выстрелили в

гранатометчика. Оседая на раненую ногу, тот ответил огнем. Спецназовцы из отряда «Витязь», засевшего в телецентре, только того и ждали. Начался расстрел почти безоружных людей...

Когда в Доме Советов стало известно о том, что в столицу вызваны воинские части, было решено предотвратить возможные столкновения. Нас собрал Вениамин Соколов, председатель Совета Республики. Он сказал нам: «Я получил сведения, что в Москву входят войска. Давайте, как в девяносто первом, выйдем навстречу парламентарями. Не дай Бог, начнут стрелять на улицах Москвы».

Мы направились на Ленинградское шоссе, нас обогнали машины ГАИ. Выехали за пределы Химок. Видим на 33-м километре пост ГАИ и поворот на станцию «Сходня». Дальше ехать не было смысла, и мы сами остановились у этого поста. Подошли гаишники, объяснились. Часа через полтора на нескольких «Жигулях» подъехали спецназовцы. Недолго думая, нас – в машины и на Петровку, 38. В машине конвоиров работала радиостанция. Слышим крик, командир танка: «Что делать? Они ложатся под гусеницы танков!» – «Кто ложится?» – «Женщины, старики, человек сорок. Что делать?» – «Езжай прямо. Они же в наших стреляли в «Останкино»...

В пять утра нас привезли на Петровку. Повели через турникет и во дворе начали бить. Потом погнали на пятый этаж. Били на лестнице, в пах, прикладами по ребрам, ногам, рукам. Кричали с матом: «Мы вас, коммуняков, сволочей-депутатов, всех перестреляем».

Меня били шестеро молодых, веселых, кудрявых парней в штатском. Наверняка это бейтаровцы. Надо отдать им должное, били квалифицированно. Потом привели в божеский вид – сняли несколько раз на телекамеру. То и дело угрожали: «Выведем во двор – расстреляем». Я не выдержал, ответил: «Стреляйте, мне такая жизнь все равно не нужна». Передернули затвор, но стрелять не стали, передумали. Пришел русский офицер, сказал: «Хватит, а то забьете до смерти!» Обыскали, стали снимать показания. Обнаружив в кармане красное удостоверение, снова стали огрызаться: «Ты, сука, еще был зампреда облизполкома? Так ты из администрации? Тогда вообще гад и предатель...»

А в это время из соседних камер доносились истошные крики – там тоже били наших мужиков...

Александр Дмитриевич умолк, потом добавил задумчиво:

– Вот сейчас октябрьским событиям дана оценка: мол, подавлен бунт коммунофашистов. Это чушь. Я был в Доме Советов – он напоминал мне Ноев ковчег. Среди его защитников видел самые различные слои нашего общества: и коммунистов, и христиан-демократов, и национал-патриотов, и даже президента Калмыкии Илюмжинова, которого никак не заподозришь в симпатиях к коммунистам. Находились там и откровенные фашисты, но их было мало, а в ночь на 4 октября, почувствовав опасность, они покинули здание. Кто же были остальные? Разве назовешь «коммуно-фашистами» женщин и ветеранов Великой Отечественной войны, которых было немало? А разве назовешь «коммуно-фашистами» подростков, вроде мальчика Коли, который, проявив изобретательность и отвагу, пронес через все заслоны мегафон для осажденных?

Я был свидетелем, как эти люди делились последним куском хлеба и глотком чая, но они не уходили с баррикад. «Умрем, но не покинем Дом Советов!» – решили они. И вот этих-то людей расстреляли в первую очередь.

На мой взгляд, – завершая рассказ, заметил Александр Каунов, – в первых числах октября в Москве произошла великая трагедия, в которой нет ни победителей, ни побежденных, а проиграли буквально все: и противники президента, и его сторонники. Главное, в эти дни потерпела поражение не псевдо, а истинная демократия, ее безжалостно растоптали власть имущие...

Спустя несколько лет, выступая на митинге у Вечного огня, посвященном памяти павших защитников Дома Советов, Александр Каунов заявил:

– Несмотря на весь трагизм тех событий, я прожил там лучшие дни своей жизни. Я не только видел мужество и святое самопожертвование своих соотечественников, я сам испытал там самые высокие человеческие чувства, и уже этим счастлив!..

Я привел рассказ очевидца, который, нисколько не сгущая краски, свидетельствует о том, что творилось в октябрьские дни в Москве.

Как могло случиться такое, когда один человек с оружием в руках пошел на другого, когда на глазах всего мира бывшие “афганцы” расстреливали своих же братьев, добровольно охранявших Дом Советов, когда, наконец, озверевшие спецназовцы, словно пиночетовцы, избивали до полусмерти безоружных, не оказавших никакого сопротивления соотечественников.

Думается, здесь вполне уместно привести беседу о тех трагических событиях с нашим земляком, известным русским поэтом Валентином Сорокиным, автором многих талантливых поэм и стихотворений о России и родном Урале, о высоком назначении русичей. За свое вдохновенное творчество В. Сорокин удостоен Государственной премии имени М. Горького, литературной премии имени А. Твардовского и Международной литературной премии имени М. Шолохова. Его поэтическое слово часто звучит на митингах и встречах, организуемых истинными патриотами России. Это о нем классик современной литературы Юрий Бондарев сказал: **“Валентин Сорокин – выдающийся поэт России!”**

РОССИЯ – В КАЖДОМ ИЗ НАС!

Беседа с В.В. Сорокиным

АВТОР: Валентин Васильевич! 3-4 октября исполняется десять лет со дня расстрела Верховного Совета. Я знаю, ты много писал об этом, создал драматическую поэму об этом расстреле. А какова твоя сегодняшняя позиция, уже через десять лет? Забылась ли боль, пригасилась ли она, или по-прежнему все так же болит и сердце, как прежде, плачет?

СОРОКИН: Я сначала скажу, что я вижу в людях. Пусть не радуются расстрельщики и казнители Дома Советов. Я называю Дом Советов – мой белый лебедь, на моих глазах расстрелянный. Ничего народ не забыл. Наоборот, прошло десять лет, а в народе все больше, все шире укореняется правда о тех событиях, и возмездие будет за это. Где они, расстрельщики? Кто сейчас Ельцин? «Обжора, ворюга, предатель», – это говорят сейчас на каждом перекрестке. Кто сейчас Горбачев? Иуда Меченный – так говорят о нем в народе. Разве бы я согласился жить под этими кличками и под этой ненавистью народной? А где эти Бурбулисы, где эти Гайдары, где эти Черномырдины? Последний превратился в клоуна. Он ведь может питаться икрой или кашей, а может просто золото жрать каждое утро, но желудок у него не перерабатывает металл. А так, если бы он мог жрать, он каждый день ел бы его.

Или что такое олигархи? Этот Потанин, этот Абрамович, этот Березовский, этот Мамут? Посмотри, какое отношение к ним в народе! Ты согласился бы так жить!

АВТОР: Нет, мне такая жизнь не нужна.

СОРОКИН: Ни один нищий не согласится быть олигархом с таким авторитетом за спиной, чтобы эти клички висели и афиши.

А теперь об осени девяносто третьего. Беда наша была такая. Я слушал Светлану Горячеву, выступавшую на Съезде народных депутатов, она зачитывала телеграммы: «Нас поддерживает черноморский крейсер такой-то, нас поддерживает подмосковная дивизия такая-то, нас поддерживает дальневосточная эскадра такая-то». Я стою с Володей Фомичевым и Иваном Савельевым (в ночь, когда расстреливали Верховный Совет, он был там). Я говорю: «Господи, что же ты творишь? Ты называешь, а Дом Советов окружен. Этих людей просто арестуют». Потом ко мне подходит Сергей Бабури и спрашивает: «У вас нет радиопередатчика?» Я удивился: «Как радиопередатчика? Я пришел защищать, а у вас даже нет радиопередатчика? С чем же вы собрались воевать, если у вас даже этого

нет?» Конечно, наверное, люди надеялись, что расстреливать их не будут. Ну, как расстреливать брат брата, своих?

И вот у меня обида на госбезопасность, обида на Генштаб Российской армии, на МВД. Как так, не могли Родину уберечь?! Все защитники были в основном безоружные. Сколько там было ребят? И бросить такую силу против них!

Вот я помню, мы с Володей Фомичевым выходим на площадь Восстания. Идет матрос, идет, шатается. Я сначала осудил его: неужели в этот день расстрела (это было четвертого) ты позволил себе выпить? А он шел, шел и вот так раз и на грудь упал. Я смотрю, а у него такая полоса крови. Его подняли, унесли. Он был весь израненный. Потом бежит мальчик лет двенадцати. «Я к папке! Я к папке! Я к папке!» Добегает до середины площади. И кто его ударил дубиной? Полковник! Он его ударил – и мальчик упал. А потом смотрим: женщина развернулась на тротуаре и упала навзничь. Это с крыши радиостанции, что на улице Качалова, начали расстреливать снайперы. Я же не военный человек, спрашиваю: «Володя, стреляют?» – «Да, стреляют!» Мы нырнули во двор и укрылись.

АВТОР: А что ты знаешь о гибели священника, который вышел из Дома Советов с иконой в руках? Ведь он хотел пойти на переговоры?

СОРОКИН: Я имени его тебе не назову. Там было несколько таких священников. А его расстреляли прямо на глазах у всех.

А вот теперь я расскажу такую вещь. Бывший главный следователь Москвы, знаменитый следователь Эдуард Хлысталов помог нам 4 октября побывать возле Дома Советов. Но обо всем по порядку. Накануне, третьего, я пытался пробиться в Дом Советов, четыре пункта прошел, а на пятом задержали. Я бы остался там и ночью. Я прошел через несколько пунктов. У меня удостоверение Главного Управления МВД как консультанта общественного совета – был такой в свое время. Я увидел там огромное количество лошадей, техники. И вдруг полковник меня спрашивает: «А почему вы проходите?» И не пропустил.

Я слышал голос Умалатовой. А потом голоса стали уплывать, уплывать. Меня стали выпихивать. И все дальше, дальше эти голоса. Я думаю: никто из них уже не выживет.

А четвертого Эдуард Хлысталов под каким-то предлогом провел меня с Володей Фомичевым к Дому Советов. Он уже был расстрелянный, дымящийся. Под мост заходим – лежит мужчина молодой, у него на одной ноге спортивный тапок, а на другой – ботинок почему-то. То ли бежал, то ли его потом нашли и решили во что-то обуть.

Я стал считать бэтээры. 128 штук насчитал бэтээров. Я – русский поэт, гражданин России, лично насчитал. Дальше. Я насчитал до 50 машин скорой помощи. Эти машины въезжали во двор здания и выходили. Как пчела на пчелу летит. Они вывозили мертвых.

Дальше. Мы же видели четвертого: мальчик бежал. Подходим к Кутузовскому мосту – лежит мальчик. Этот, не этот – не знаю. Но для меня он тот самый мальчик, которого ударил полковник. Женщина лежит убитая. Они еще не успели подобрать их.

Народу в это время было очень немного. Потом нас грубо вытолкали. Владимир Гусев, председатель правления Московской писательской организации, рассказал в печати о том, что меня ударила милиция. Это произошло, когда я прорывался к Дому Советов. Гусев пишет: «На моих глазах его ударили сапогом в спину очень жестоко».

А я видел, как избивали Виктора Алксниса, депутата Верховного Совета. Он вскарабкался на троллейбус, хотел перелезть через него. Они его стащили, стали топтать. Мы с Володей Фомичевым кинулись помочь ему, а нас выпихали, вытолкнули.

Туда пытался прорваться и Юрий Васильевич Бондарев, но и у него ничего не вышло. Он вообще вел себя отважно. Когда проходила демонстрация на ВДНХ против Ельцина, там 11 тысяч было народу, текла река людская. Мы прошли. Виктор Анпилов выступал, я выступил. Кстати, тогда Владимир Жириновский тоже хорошо говорил, это потом он начал лгать: то ли напугался, то ли его милиционер палкой ударил по месту, которое повлияло на его политические убеждения, то ли он замуж хочет выйти (Сорокин смеется – автор) за какого-то большого политика – я не знаю. Там были лозунги такие: «Да здравствует власть Советов!», «Да здравствует Родина!», «Смерть предателям!».

«Смерть врагам Советского Союза!», «Да здравствует великий Советский Союз!», «Ельцин – подлец, зверь, негодяй!» Знаешь, от чего все это шло? Люди отчаялись, гибли люди.

И вот нашей колонне преградила путь милиция. Я шел следом за Юрием Бондаревым. А Бондарев бывает яростным таким, как будто ему 20 лет. И вот его толкнула милиция. Он размахнулся и хотел ударить своего обидчика. Мы стали прикрывать его. Завязалась потасовка. И Беляев Михаил (однофамилец того антисоветчика Беляева, который не давал печатать честные вещи, а потом стал перестройщиком, вождей перестроечных стал воспевать – он бывший работник аппарата ЦК), так вот Михаил Беляев, смотрю, падает. Падает и обливается кровью. Они как ударили его прикладом, разбили все лицо. Юрий Бондарев как увидел кровь (он – фронтовик): «Ах, су-ки, продажные твари! Вы будете избивать нас, защищающих Родину!» И – туда, в толпу. Я вцепился в него, хотел заломить ему руки. Он как огрызнулся на меня: «Предатель! Ты будешь меня держать! Я сейчас вырву автомат и перекошу их!» Я говорю ему: «Куда вы лезете? Вы же старый человек». – «Это ты старый негодяй!» Я не обижаюсь на него. Выволок из толпы и затащил на Рижский вокзал. Так он еще там продолжал со мной «драться», оказывать сопротивление.

АВТОР: Какого числа это было?

СОРОКИН: 22 июня 1993 года, в день памяти павших защитников нашего Отечества. Последняя демонстрация, тоже расстрелянная, после которой уже расстреляли народ.

Я затащил Бондарева в метро. Он на меня шипит, как рассерженный зверь. Потом я его успокоил. Он понял, что я совсем не негодяй, все нормально между нами. Я говорю: «Пошли!» Он – мне: «Валя! Я встать не могу». – «Почему?» – «У меня ноги отнялись». – «Почему отнялись?» – «Они же у меня изранены еще на войне». Я его на себе тащил, но все равно изредка он материл меня за то, что я уволок его от драки.

АВТОР: А потом Бондарев отомстил ельцинистам своим романом «Бермудский треугольник», пригвоздил их к позорному столбу.

СОРОКИН: Да, как же ими не гордиться? Проскуриным Петром. Он тоже был там. Это великие люди. Юрий Бондарев – великий человек. Как нам не любить их? Они нигде даже не колебнулись. Вот ушел Проскурин. Смотри, какой свет за ним! Он как великан стоит. Я помню, когда летом 2000 года мы приехали с ним на мою родину, Южный Урал, некоторые местные начальники даже исчезли, как бобры после свиста. А вы нас встречали! А что они, эти начальники, значат перед Проскуриным, например? И что они значат перед Бондаревым?

И, завершая нашу беседу, задаю себе вопрос: в чем я должен считать себя виноватым? Я – автор поэмы о Курчатове, автор поэмы о Стеньке Разине, автор поэмы о маршале Жукове, автор поэмы об Емельяне Пугачеве, автор поэмы «Евпатий Коловрат», автор поэмы «Огонь» – о мартеновцах моих, автор поэмы «Оранжевый журавленок» – о матерях наших, обелисках, над которыми летят журавли и каждую весну оплакивают их, чтобы они, которые лежат там, наши с тобой отцы, деды, матери наши, в земле святой, верной, чтобы они слышали этот голос, плачущий вечный голос журавлиный, летящий над их обелисками и могилами их.

Перед кем я должен унижаться? Это было, когда я приехал в Москву на Высшие литературные курсы. Лежу ночью, спать не могу. А приехал я из Бородино, объездил всю Москву, посмотрел все обелиски наших с тобой защитников, о которых я говорю. В эту ночь увидел сон, что я – ветер. Вот я лечу, лечу, лечу и кругом – обелиски, обелиски, обелиски. Я думаю: когда же они закончатся? И сколько людей под ними лежит! Вот я – ветер и вроде бы обязан над каждым обелиском склониться, пролететь над каждым, над каждым! Оплакать и сказать им: вы лежите, а мы стоим на ногах, мы помним вас. Ваша воля – в нас. Россия – в каждом из нас лично и в каждом из нас вместе! И она вечна, непобедима! И пусть знает об этом каждый негодяй и все негодяи вместе!

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ОБОСТРЕТСЯ

Но вернемся к челябинским событиям.

В самый разгар драматических событий Лев Леонов при участии членов Комитета по защите Конституции и Советской власти, в их числе был и я, выпустил несколько спецвыпусков “Советской России”. Каждая статья, опубликованная на нашей полосе, пылала гневом к ельцинистам, призывала людей оказывать активную поддержку Советам. Газета пользовалась большим спросом у южноуральцев. Кроме подписки, через альтернативные каналы доставки она распространялась на территории Челябинской, Курганской, Оренбургской, Свердловской и Пермской областей. Словом, по всему Уралу. Более 50 тысяч экземпляров получали южноуральцы. Это было мощное оружие правды.

А областной Совет выпускал свою газету “Народная Дума”. Главным редактором ее был Виктор Косолапов. В редакции собрались опытные, честные и принципиальные журналисты – Людмила Опалева, Татьяна Юрьева и другие. В дни кровавой развязки они вели себя мужественно: выпустили несколько номеров газеты, каждая из которых сейчас достойна быть представлена в патриотическом музее. В “Народной Думе” печатались документы и сообщения, указы и.о. президента РФ Александра Руцкого, поступающие по факсу из Верховного Совета, решения внеочередной сессии областного Совета, поддержавшей Верховный Совет, выступления народных депутатов, заявления трудовых коллективов. На мой взгляд, это лучшие номера газеты – боевые, призывные, зовущие к борьбе. И не случайно после расстрела Верховного Совета “Народная Дума” была закрыта вместе с областным Советом. Журналисты, как и работники аппарата облсовета, остались без работы, без выплаты зарплаты и пособия. Они испытали на себе все то циничное унижение и беззаконие, которые обрушил режим Ельцина на Россию.

В начале октября, когда Верховный Совет был блокирован и до расстрела оставались считанные дни, в кабинете Петра Ивановича Сумина собрались активисты оппозиции: секретари областных партийных и патриотических организаций, руководители и наиболее активные члены Комитета по защите Конституции и Советской власти. Каждый из нас понимал, что сражение за Советы в Москве проиграно, недалек тот день, когда придется и нам покинуть здание Челябинского областного Совета. Поэтому решили еще раз прикинуть: как вести себя в такой ситуации, что делать в ближайшее время? Высказывались самые различные точки зрения: от организации боевых рабочих дружин до создания подпольной типографии. Во всяком случае сидеть сложа руки никто не собирался. Хозяин кабинета понимал, что он в эти дни находится под усиленным наблюдением спецслужб, что они следят за каждым его словом, действием, поступком. Поэтому он был крайне осторожным. Петр Иванович выслушал все точки зрения, с некоторыми соглашался, наиболее крайние не одобрял. Тогда мне казалось, что он чересчур был осторожен. В нас клокотала энергия действия, мы жаждали больших и настоящих дел, а поддержки у руководителей оппозиции не находили. Сейчас по-разному можно относиться к этому: или это была необходимая осторожность, или просто человеческая нерешительность? Возможно, и то и другое.

Только спустя полгода после нашего совещания, а именно в марте 1994 года, в актовом зале областного совета профсоюзов вновь собрались представители оппозиции во главе с Петром Ивановичем Суминым. Тогда было создано общественно-политическое движение “За возрождение Урала”. В него вошли все левые партии и патриотические организации, которые остались в оппозиции ельцинскому режиму. Движение “ЗВУ” с каждым годом ширилось и обростало новыми сторонниками. В декабре 1996 года оно стало мощной политической силой в Челябинской области. На выборах главы администрации области за лидера “ЗВУ” Петра Сумина проголосовало подавляющее большинство избирателей. В 2000 году он был вновь избран губернатором. Находясь на этом высоком посту, Петр Иванович проводит в жизнь ту социальную и экономическую программу возрождения нашего края, которая была намечена в марте девяносто четвертого.

И кто знает, может быть, на создание “ЗВУ” и дальнейшую борьбу за власть Петра Сумина подвинуло именно то октябрьское совещание представителей оппозиции, которое проходило в его рабочем кабинете. Возможно, он понял, что настоящие патриоты с

поражением не смиряются, что есть реальные силы, есть энергия, ум и горячие сердца, на которые можно опереться. И, как видим, он не ошибся.

Хочу сказать несколько слов о том, что противостояние Петра Сумина и Вадима Соловьева особенно обострились в сентябрьские и октябрьские дни 93-го. Ельцин и его команда, разумеется, поддерживали своего ставленника. И надо было обладать большим мужеством, чтобы сделать свой выбор в пользу Сумина. Некоторые руководители предприятий, даже главы администраций сделали такой выбор. Среди них были Александр Говорухин – глава Октябрьского района, Владимир Уткин – глава города Копейска и Валентин Буравлев – глава Ленинского района Челябинска. Они открыто выступили в поддержку П. Сумина, оказывали ему всяческое содействие. Соловьев не мог смириться с этим. В сентябре 93 года своим распоряжением он отстранил всех троих “оппозиционеров” от должности. Они обратились в суд по месту работы. Надо отдать должное справедливости судей, которые восстановили их на работе, посчитали отстранение их от должности незаконным. Правда, после кровавой развязки Соловьев вновь снял их с работы. На этот раз обращаться в суды было бессмысленно.

РАЗВЯЗКА

Несколько штрихов о последних днях противостояния.

Когда Верховный Совет был окружен танками и бронетранспортерами, мы в эту ночь особенно бдительно охраняли здание областного Совета. Несколько раз обходили его снаружи, проверяли, нет ли где подозрительных предметов или притаившихся групп людей, готовых к захвату здания. Даже подходили к зданию администрации, наблюдали, есть ли какое оживление в кабинетах администрации. Нет, все было тихо, администрация отдыхала в субботний и воскресный дни. Зато в здании облсовета бурлило людское море. В ночь с 3 на 4 октября здесь собралось особенно много народу. Слушали радио в фойе, говорили тихо, обсуждали происходящее в Москве, строились различные прогнозы.

Ситуация менялась буквально каждый час. Сначала шла информация о том, что люди вышли из здания Верховного Совета, захватили мэрию, направились в сторону Останкино. У всех присутствующих поднялось настроение: неужели это победа? Неужели конец ельцинизму? Даже не верилось! Потом начались перебои в телепередачах. Дикторы сообщали, что в связи с нападением на Останкино они перешли на запасные передатчики вещания. С удовольствием проинформировали о том, что к центру Москвы продвигаются танки и бронетранспортеры. Мы не поверили официальным сообщениям, несмотря на поздний час, позвонили в Москву, знакомым, чтобы убедиться, так ли это. Москвичи подтверждали факт вхождения войск, но при этом говорили, что в столице тихо, не стреляют. И все-таки эта тишина не сулила ничего хорошего. Это была самая напряженная ночь за все тринадцать дней противостояния.

Затем дикторы передали сообщение, что к москвичам обратился Гайдар, он призвал их оказать “коммуно-фашистам” сопротивление. Не знаю, поддержали ли жители столицы автора разорительных реформ, судя по телефонным переговорам с нашими знакомыми, ничего подобного не было, но истерию телевидение нагнетало сильную.

А утром в понедельник, 4 октября, танки и бронетранспортеры открыли прицельный огонь по Дому Советов. Обстрел продолжался в течение всего дня. Стреляли методично, прицельно, кумулятивными и снарядами объемного взрыва, которые наносили большое поражение. Все это благодаря западным телекомпаниям, расставившим свои телекамеры на крышах зданий, окружавших Дом Советов, транслировалось на всю страну и даже на весь мир. Когда мы увидели расстрел беззащитных, невооруженных людей, защищавших Верховный Совет, невольно стало жутко, мороз проходил по коже. Ведь раньше мы видели расстрелы мирных, беззащитных людей только в фильмах, посвященных Великой Отечественной войне. Но там расстреливали гитлеровцы наших соотечественников. А тут свои убивали своих же. Чем они отличались от озверевших фашистов? Пожалуй, они были хуже.

Когда по телевидению стали показывать, как из Дома Советов, объятых пожаром, стали выходить вынужденные сдать защитники Верховного Совета, душа у каждого из нас рыдала. У одного из товарищей случился нервный срыв. Он, огромный детина, косая сажень в плечах, заревел, словно ребенок. Рыдая, причитал:

– Все! Мы пропали! Нас расстреливают, как собак. Мы ничего не сделали, чтобы объединиться. Мы будем гнить, как падаль...

– Перестань орать! – не выдержал я.

– Ты что, не видишь, как там наших убивают? – заорал мужик еще сильнее.

– Вижу! Но своим криком ты не сможешь им, а вот нам на психику давишь. Ты – баба или мужик? Возьми, наконец, себя в руки!

– Я-то мужик, а что толку?

– Если еще проронишь хотя бы одно слово, я напинаю тебе под задницу и выгоню отсюда взащей!

Я сказал эти слова настолько резко и решительно, что готов был исполнить их тут же. Рыдавший оцепенел от угрозы и постепенно прекратил истерику.

Да, и такое было в тот кошмарный черный вечер.

Заканчивался четырнадцатый день противостояния – мужественной и отважной борьбы патриотов. Страна жила уже без Советов, без надежд, без будущего. Это была уже совсем другая страна!

Я вышел на площадь Революции, где в ту пору стояли автомашины, фургоны, лотки, с которых продавали молоко, мясо, капусту, картошку, хлеб. Люди, как обычно, толпились возле них. Несмотря на трагические события в Москве, их здесь было необычно много. На лицах – повседневная озабоченность о хлебе насущном. И никто, ни одним словом не обмолвится о расстреле депутатов, о преступлениях Ельцина и его опричников. Ни возмущения, ни раздражения, как будто бы ничего и не происходило в Москве.

Меня поразило такое равнодушие людей. Меня бесило их бездействие, привычка приспособляться, выживать при любой власти, в любых, даже самых скотских условиях. На глаза мои сами собой наворачивались слезы. Это были слезы отчаяния и бессилия. Я не стесняюсь в этом признаться, даже десять лет спустя. Пусть люди других поколений знают, как мы бесславно потеряли свою страну, свою народную власть.

На следующий день в областном Совете царил разгром. Заявившиеся представители администрации приказали снять с окон все наши стенды, со стен сорвали плакаты. Где-то в углу валялся ватманский лист с надписью: “Окно правды”. Кабинет П.И. Сумина и Л.М. Рабчонка, где мы проводили заседания нашего Комитета по защите Конституции, было приказано освободить. Противостояние завершилось нашим поражением.

* * *

С кровавых дней осени 93-го минуло уже десять лет, но мы так и не узнали всей правды о тех событиях. Официальные власти объявили, что в те октябрьские дни погибло около 150 человек. Это неправда! Их в десятки раз больше. Свидетели тех событий утверждают, что на второй-третий день после расстрела на стадионах, куда увозили арестованных, мощные грейдеры разравнивали изрытую ими землю, чтобы скрыть следы кровавых преступлений.

До сих пор не дает покоя такая мысль. Если защитники прав человека утверждают, что в годы революции и гражданской войны наиболее нетерпеливые большевики, якобы, расстреливали в упор людей, не желавших жить при социализме, то осенью 93-го сами “демократы” силой оружия усмиряли восставших москвичей, пытаясь насильно загнать их в “капиталистический рай”. В ушах до сих пор звучит истошный крик Егора Гайдара, призывавшего москвичей выйти на улицы и оказать сопротивление “коммуно-фашистам”. В памяти до сих пор звучит громогласный окрик-приказ премьера В. Черномырдина российским генералам, засомневающимся, стоит ли стрелять в безоружный народ: “Стрелять без промедления! Стрелять по всем, к чертовой матери!” Так они расстреливали нас той кровавой осенью. Так они загоняли нас в свой “капиталистический рай”. Спрашивается, чем нынешние “реформаторы” отличаются от Троцкого и других

провозвестников мировой революции, насаждаемой штыком и насилием? История, как видим, трагически повторяется, так ничему и не научив нас.

Той кровавой осенью еще более усилилась опасность развала России. На эту опасность обращали внимание многие. В телепрограмме “Воскресенье” за 24 августа, буквально за месяц до развязки, Виктор Розов, известный драматург и автор сценария прекрасного фильма “Летят журавли”, с болью в сердце говорил о том, что все рухнет буквально на его глазах.

– По натуре я оптимист, – заявил 80-летний драматург, – но впервые за свою жизнь опасаясь, как бы на карте мира не исчезло само государство Россия, как бы наша великая русская культура и наши богатые духовные ценности не растворились в кислоте вседозволенности. Ведь самое страшное в том, что на смену нам растет поколение, которое просто-напросто не будет иметь никакого представления об этих самых духовных ценностях...

А журналист Глеб Павловский в статье, опубликованной в “Новой ежедневной газете” 22 октября 1993 года, боюсь, пророчески пишет: “Тот, кто пролил кровь граждан и раздал за это кощунственные награды, уже никого ни с кем не примирит...”

С этими, хотя и мрачными, предсказаниями, трудно не согласиться.

* * *

Готовясь к изданию этой книги, я понял, что одно мое мнение для читателей будет недостаточно. Пусть он увидит и почувствует осень 93-го в спектре воспоминаний и размышлений разных людей – разных по возрасту, полу, профессии, миру увлечений. Тех, кого хорошо знаю.

Один из них – Юрий Иванович Холщигин. Руководитель общественно-политического центра левого движения Челябинской области, поэт и публицист. Читатели газеты «Алое Поле», которую мы выпускаем с ним уже четвертый год, хорошо знают Юрия Холщигина по его глубоким и содержательным аналитическим статьям. По моей просьбе Юрий Иванович написал и о событиях, происходивших осенью 93 года, хотя его размышления порой выходят за рамки тех событий. Впрочем, я и не ставил перед собой задачи – остановиться на определенном отрезке времени. Книга эта шире, она освещает те памятные события уже с высоты нынешнего дня. И в этом мне помогают мои соратники по народно-патриотическому движению.

Итак...

Юрий ХОЛЩИГИН

ДНИ НАДЕЖД, БОРЬБЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Динамика, стремительные темпы современной жизни быстро настраивают и перестраивают наши мысли, чувства и впечатления на новые события и явления, происходящие вокруг нас. В силу этих причин невольнo отодвинулась и потеряла свою кровотокающую осязательность и остроту сентябрьско-октябрьская драма и трагедия десятилетней давности. А ведь после «черного» августа 1991-го это был еще один рубеж, сданный и проигранный заклятым врагам Советской власти. И хотя к этому времени от Советской власти (в ее сущностном понимании и восприятии) остались, что называется, «рожки да ножки», устроителям «новой жизни» в государстве Российском даже ее остатки в формальном виде не давали покоя и вызвали ярость тем, что в этих народных органах власти оставались еще люди, сохранившие и совесть, и остатки товарищества, и чувство социальной справедливости. Ельцин и его окружение хорошо это осознавали и исподволь (с весны 1993-го) готовили свое грязное дело – заговор против Верховного Совета. Началом этой черной отметины и стал день 21 сентября.

Напомню еще раз: напряженность и неизбежность развязки противостояния главаря российской вседозволенности и большей части депутатов Верховного Совета России ощущалась и нарастала с каждым днем. Подогревалась она и ельцинистскими средствами массовой информации. Мы, руководители областных структур и организаций

левого и народно-патриотического направления, куда входили коммунисты, активисты «Трудового Челябинска», областного комитета народно-патриотических сил, Комитета по защите Конституции и Советской власти и другие, начиная с апреля, прорабатывали схему возможных совместных действий на случай обострения политической ситуации и непредвиденного поворота событий.

В августе в Челябинске побывал представитель зарождавшегося в ту пору национально-патриотического движения на Урале, известный журналист из Свердловска Юрий Липатников. Он принял участие в консультациях по координации действий патриотов. К сожалению, события уже тогда приобрели трагическую окраску. Когда Юрий Липатников по завершению встреч и бесед отправился на вокзал для отъезда, то попал в сильную грозу и ливень, был сбит в темноте легковой автомашиной и позднее скончался от полученных травм в одной из челябинских больниц. Все это как-то рождало недобрые предчувствия, хотя нос вешать никто не собирался. Дух сохранялся бойцовский, настроенный на отпор агрессивному натиску ельцинизма. Ситуация отслеживалась, она сопровождалась «артподготовкой» апостола российской контрреволюции.

А после некоторого затишья «перед бурей» гром разразился. Это было 21 сентября. И хотя, как я отметил, события надвигались и предчувствовались, выступление Ельцина и обнародование им Указа № 1400 о роспуске Верховного Совета и Съезда народных депутатов были для всех «колом по голове».

Несмотря на поздний вечерний час, я тотчас связался по телефону с необходимым кругом товарищей, прежде всего с соратниками по коммунистическим организациям, в частности РКРП, и договорился с ними об оперативном сборе в стенах областного Совета народных депутатов (бывшее здание обкома КПСС), где мы активно обитали с начала 1992 года. Сбор прошел действительно быстро, и где-то пол-двенадцатого ночи мы были уже в кабинете первого заместителя председателя областного Совета Александра Сергеевича Саломаткина, временно исполнявшего в ту пору обязанности председателя, т.к. А.А. Начаров вместе с П.И. Суминым находился в командировке в Москве. В кабинете зампреда собрались, кроме нас, представителей общественно-политических организаций и партий, некоторые депутаты Советов различных уровней. Все чувствовали себя участниками очень серьезного и ответственного процесса. Горячо, порой сбивчиво и противоречиво, высказывались мнения, отношение к происходящему, предложения о возможных действиях с учетом дальнейшего развития событий. В частности, было принято решение созвать внеочередную сессию областного Совета с приглашением депутатов Советов городов и районов, чтобы определить окончательную линию поведения, дать оценку антиконституционным действиям российского «гаранта».

Надо сказать, что те драматические события десятилетней давности заставили нас, коммунистов, максимально мобилизоваться, перестроиться, можно сказать, на «боевой лад». В свой водоворот они вовлекли даже тех людей, которые до этого либо находились в пассивном восприятии политической жизни, либо способствовали (чаще всего неосознанно) утверждению ельцинизма. Как само собой разумеющееся, в первые же сутки по инициативе коммунистов собрался и пополнился новыми участниками областной Комитет по защите Конституции и Советской власти. Хотя Основной закон к тому времени уже был «перекроен» на «демократический» лад, все же Российская Конституция еще несла некоторые черты и признаки советской системы. Это как раз и не устраивало Ельцина и его окружение. Так что защита Конституции и конституционного строя означала в принципе борьбу против ельцинского беспредела.

В комитет вошли известный журналист-публицист Анатолий Белозерцев, руководитель областной организации РКРП Александр Дорохов, руководитель движения «Трудовой Челябинск» Анатолий Белоглазов, лидер местной организации «Великая Россия» Виталий Княгиничев, руководитель движения «Русский Национальный Собор» Олег Князев и ряд других товарищей. Возглавил Комитет челябинский журналист, активист лево-патриотического движения Лев Леонов.

В те дни особо жгуче стояла задача информировать население об истинном развитии политической ситуации, опасности и противозаконности затеянной Ельциным провокации государственного масштаба. Комитет по защите Конституции совместно с областным Советом принимают решение организовать у входа в совет стенд – окно оперативной информации о происходящих событиях и принятых органами Советской власти решений, противостоящих ельцинскому авантюристическому Указу. Окна с сообщениями Информбюро действовали до дня штурма Дома Советов в Москве.

Но это была лишь малая возможность – толка донести правду людям. Ельцинские СМИ злобно поливали принципиальность и стойкость представителей и защитников высших органов Советского народовластия, особенно после принятия ими решения об отстранении Ельцина от должности президента страны. Противостояние усиливалось и ожесточалось, сказывалось и предметно ощущалось в области, прежде всего в областном центре. Здесь ельцинскую бодягу активно и рьяно поддержал тогдашний глава областной администрации В. Соловьев, сам к тому времени утративший, в результате апрельских выборов, право верховодить на данном посту. Однако Соловьев всеми силами и средствами, даже вопреки судебным решениям, цеплялся за власть, имея закулисную поддержку Российского самодержца.

Конечно, решения, принятые большинством депутатов, участников расширенной сессии областного Совета, осуждавшие ельцинский антиконституционный переворот и поддержавшие, по существу, позицию Верховного Совета, были в штыки приняты соловьевской командой. Глава неистово искал свои местные меры обуздания несогласных и непокорных. Сегодня, по прошествии немалого времени, многое стерлось из памяти, не все осталось и на бумаге, в документах, т.к. с обеих сторон было много действий, явно не рассчитанных на чужой слух и глаз. Например, из негласных источников (и притом уже после политического противоборства) я лично узнал, что в высоких зашторенных кабинетах высказывалось мнение и предложение о превентивном аресте лиц, составляющих наиболее активную оппозицию ельцинской власти. Правда, к чести ряда чинов из правоохранительных и силовых учреждений, такой сомнительный проект не был ими поддержан.

Однако казусы противостояния все-таки были. Упомянутые мной информационные окна у входа в областной Совет собирали немало народу, люди жадно считывали сводки, узнавали правду о позиции депутатов Верховного Совета и принимаемых ими решениях. Однако всех горожан собрать у стен областного Совета было невозможно, а необходимость более широкого оповещения населения о происходящем возростала день ото дня, час от часу. И тут пришла на ум идея воспользоваться автордиоустановкой с усилителем. Сразу же определились и дикторы, в число которых вошел и я, имеющий навык зачитывать официальные сообщения с голосовым тембром, схожим с левитановским.

Областной Совет осуществил заказ такой радиоустановки на колесах, оплатил расходы. Дело, что называется, закрутилось. Были определены основные маршруты в городе – основные ударные точки в каждом районе. Над площадями и улицами города зазвучал голос, доносящий до людского сознания всю драму и сложность событий. Чеканные плакаты, напоминавшие сводки Совинформбюро в годы Великой Отечественной, безусловно, заставляли людей останавливаться, вслушиваться. Еще более это выводило из себя чинуш соловьевской власти и самого ельцинского ставленника. Зазвучали грозные окрики и разносы по телефону милицейским начальникам. Те поневоле оказывались между двух огней. В один из сентябрьских дней буквально на площади Революции машина с громкоговорителем была остановлена сотрудниками ГАИ и препровождена в городское управление внутренних дел вместе с диктором в моем лице. На мое требование объяснить причину задержания и назвать конкретно административное лицо, отдавшее такое указание, дежурные офицеры милиции не могли ничего сказать вразумительного, ссылаясь на то, что кто-то, мол, позвонил из областной администрации тогдашнему начальнику городского УВД В.П. Пустовому. После моего настойчивого объяснения несостоятельности задержания мне позволили

позвонить лично председателю областного Совета А.А. Начарову, которому я поведал о случившемся. Анатолий Александрович попросил меня подождать, пока не волноваться до выяснения отношений между верхними чинами. Минут через 15-20 ко мне вышел помощник начальника ГУВД, извинился и сообщил, что я, автомашина и ее водитель свободны, конфликт улажен. В целом вся эта драматическая ситуация с задержанием длилась около полутора часов.

В сложном, даже несколько нудном психологическом противостоянии быстро бежали дни, наступала развязка, которую мало кто предвидел в том кровавом обличье, в котором она произошла.

Вспоминая то время, не скрою, что у многих из нас, вставших на защиту остатков советской системы, теплилась надежда, что вал сопротивления Ельцину и ельцинизму опрокинет власть черносотенцев. Думалось, что вот еще немного напору и – можно будет торжествовать акт справедливости и победу. Время и жизнь показали, что это были наивные и химерные надежды. Именно они нередко рождали у некоторых моих сотоварищей по партии и народно-патриотическому блоку шапкозакидательский, а подчас и авантюристический настрой, когда эмоции перехлестывали и рождали безумные проекты и планы. Помнится, как некоторые ринулись, без всякой практической проработки возможностей и необходимости, а самое главное, без достаточного знания реальной обстановки и соотношения сил, в Москву, чтобы боевыми дружинами и отрядами помочь защитникам Дома Советов. Предлагали и здесь, в Челябинске, немедленно предъявить ультиматум администрации В. Соловьева, либо решительно окружить здание местного радио и телевидения, потребовать от них дать правдивую информацию в эфир. Всякие попытки сдержат товарищей от этой явной и обреченной на провал авантюры подчас воспринимались как трусость и нерешительность. Приходилось всеми силами остужать «горячие» головы, доказывать и убеждать в том, что ситуация куда сложнее и коварнее, чем представлялась в их сознании. Скажу откровенно о себе: к началу октября где-то уже улавливал седьмым чувством, что все происходящее в столице, скорей, похоже на хорошо спланированную провокацию, в которую все упорнее и настойчивее втягивают людей легковерных, горячих и неискушенных в таких политических баталиях. Маховик задуманного мерзкого спектакля уже работал на полную раскрутку, его было трудно остановить. Праведное перепуталось с несправедным, добро со злом, коварство и подлость с революционным наивно-эмоциональным порывом. Мы же, участники тех событий, здесь, на уральской земле, объективно пожинали терновые плоды политической неопытности, неготовности к серьезной борьбе российского народа. Расплачивались порой и за молодецкое ухарство отдельных наших юношей, пустившихся в самостоятельное «плавание» – поучаствовать на баррикадах борьбы.

К нам, в Комитет по защите Конституции, обращались иной раз матери и отцы таких «юных революционеров» и интересовались судьбой своих чад, о которых мы, естественно, ничего не знали, к нам они не обращались, уезжали в Москву по своей воле.

Заканчивалась сентябрьско-октябрьская эпопея. Каждый день ее мы работали в режиме согласованности и координации действий с законно избранным главой областной администрации П.И. Суминым, руководителями областного Совета депутатов. Но, к сожалению, время неумолимо двигалось к трагическому финалу (имеются в виду кровавые события в Москве). Телевидение и радио уже транслировали картинку варварства: обстрела из танков парламента страны. Становились ясными и исход, и последствия. Мы понимали, что и наш непокорный Совет ждет нелучшая участь. Понимали и то, что необходимо было максимально сберечь силы. В ночь с 3 на 4 октября были отданы последние указания на отвод сил поддержки из здания представительного органа до появления в нем местных блюстителей порядка. Все остальное происходившее с самим Советом напоминало события августа 91-го. Но мы исходили всецело из идей классика: из всякого поражения извлекать надлежащие уроки, дабы верстать будущие победы. С тем и живем.

* * *

Другой активнейший участник сентябрьско-октябрьских событий 93 года – лидер движения “Трудовой Челябинск” Анатолий Белоглазов. Патриоты хорошо знают его как бесстрашного борца за права и интересы трудящихся. Не было в Челябинске ни одного митинга, организованного патриотами, в котором бы не принимал участие Анатолий Георгиевич. Характерная деталь: когда, скажем. Первомайская или Октябрьская демонстрация завершается и ее участники расходятся по домам, работа А. Белоглазова в самом разгаре. Он вместе со своими юными помощниками у самого памятника В.И. Ленина продает газеты “Трудовая Россия”, раздает листовки, принимает участие в острых дискуссиях с оппонентами. Удивляюсь его энергии, выносливости, неутомимости.

Анатолий сознательно сделал свой выбор, как он иногда выражается, “профессионального революционера”. У него немало друзей, но, разумеется, есть и недруги. Однажды, когда он встретил очередную партию газет, доставленную поездом, на него напали трое подвыпивших “хулиганов” (или поддавших для храбрости) и пытались отбить у борца за рабочее дело желание дальше заниматься агитработой. Только ничего у них не вышло. Побои прошли, а сам Анатолий Георгиевич еще одержимее занимается делом, которому посвятил свою жизнь.

Итак, ему слово. Он тоже по моей просьбе написал статью о событиях осени 93-го.

Анатолий БЕЛОГЛАЗОВ

ПРОВЕРКА ЧЕСТНОСТИ

В те осенние дни политическая борьба за право определять будущее страны обострилась до предела. Со всей остротой и очевидностью стоял вопрос – сохранятся социальные гарантии и трудовые права каждого гражданина или же в угоду безразмерному аппетиту приватизаторов общенародного достояния все это будет отброшено, и наша Родина будет возвращена в мрачное дореволюционное прошлое. Но парадокс ситуации заключался в том, что в борьбе с обеих сторон участвовали совсем небольшие силы, абсолютное большинство граждан взирало на происходящее со стороны, равнодушно посматривая новости по телевизору. «Любовь» к Ельцину заметно ослабла даже у тех, кто сгоряча голосовал за него в девяносто первом. Верховный Совет России образца девяносто третьего тоже не вызывал особых симпатий – ведь это именно он два года назад активно участвовал в ельцинском путче, в предательском разрушении Союза Советских Социалистических Республик. Армия и правоохранительные органы, изменившие Конституции СССР в августе 1991 года, готовы были повторить свой «подвиг», так же предать и Конституцию России.

В Челябинске этот общероссийский конфликт преломлялся через противостояние назначенного Ельциным главой областной администрации, но ненавистного челябинцам парткрата-перевертыша Соловьева, с одной стороны, и Совета депутатов Челябинской области, с другой. Депутаты облсовета в большинстве поддерживали избранного народом Сумина, хотя и в самом Совете была «пятая колонна», не многочисленная, но шумная.

Чувствуя поддержку президентских структур, подминающих Верховный Совет, Соловьев упорствовал, не признавая результаты прошедших весной выборов. Бесновались местные «демократы», многим из них, разочаровавшимся и отошедшим от политических дел, стыдно сегодня вспоминать это время, когда их, безответственных болтунов, просто использовали в целях криминальной приватизации страны.

Для меня и моих товарищей происходящее не было неожиданным. Еще во времена горбачевской перестройки мы предвидели именно такое катастрофическое развитие событий и в меру своих сил стремились мобилизовать коммунистов на противодействие предательским замыслам. А после запрета КПСС, сразу с момента создания осенью 1991 года Российской коммунистической рабочей партии, главным направлением нашей идеологической работы стало разоблачение антинародных реформ.

И вот апофеоз буржуазной демократии – провокационный Указ № 1400 о роспуске Верховного Совета и Съезда депутатов, противоречащий действующей Конституции. Указ, после издания которого ЕБН, согласно Конституции, автоматически лишился всех полномочий. Естественно, что РКРП решительно выступила против этой попытки реакционного государственного переворота. В ночь с 21 на 22 сентября все организации были мобилизованы, получили конкретные задания и инструкции. Уже на следующее утро во многих населенных пунктах области прошли митинги протеста, были изданы и распространены листовки, мелом на асфальте и на заборах в людных местах написаны крупные лозунги.

В Челябинске многочасовой митинг прошел на площади Революции, к его организации был также подключен многочисленный актив движения «Трудовой Челябинск». Помимо гневных, эмоциональных выступлений участников митинга, с трибуны озвучивалась информация, оперативно получаемая из Москвы: из Верховного Совета и от наших московских товарищей. Во время митинга на трибуне вертикально поставили сваренный из труб барьер ограждения, в отверстие перекладки вставили древко флага РСФСР – получилось высоко, заметно издали. И после этого вплоть до 4 октября информационный пикет на площади работал регулярно.

Естественно, в те дни резко обострилась «борьба за крышу» – красный флаг на доме, что стоит на площади Революции, ельцинисты снимали почти ежедневно, но наши товарищи оперативно изготавливали новый и опять устанавливали его на прежнее место. Особенно активно, с азартом это делал тогда еще школьник Семен Хрюкин.

Центр города – площадь и прилегающие к ней остановки транспорта с большим пассажирским потоком – занимали особое место в нашей работе, тем более что это было рядом со зданием облсовета, в котором базировался созданный левыми и патриотическими организациями Комитет по защите Конституции, где на ротаторе печатались информационные листки и рисовались плакаты. В меру сил, мы старались охватить агитработой все районы города – изготавливали и распространяли машинописные, а бывало, и рукописные листовки, выступали на проходных крупных заводов, в электричках перед их отправлением. В этой работе вместе с нами также активно участвовали товарищи из ВКПБ и РПК.

На срочно созванной сессии облсовета бурно обсуждался вопрос об отношении к пресловутому Указу: «демократы» поддерживали (!), большинство осуждало, но к решительным организованным действиям готово не было. В этом духе и было принято постановление – негодование выразили, а действие... только отслеживать ситуацию, обсуждать ее изменение. Помню голос с балкона одного из приглашенных на заседание, активиста РПК Александра Крайнова, возмущенного такой нерешительностью депутатов: «Скоро на улице обсуждать будете!» Действительно, время не ждало, время требовало действовать, и, в первую очередь, это был долг людей, облеченных доверием народа, имеющих властные полномочия. Во всяком случае, противник действовать не стеснялся: как выяснилось, на заседании Совета велась оперативная съемка, устанавливались личности тех, кто приходил поддерживать Советскую власть. Мне, в то время вольнонаемному сотруднику техотдела ИТК-1, был задан вопрос: а что это я делал на заседании облсовета? Пришлось выкручиваться – был по делам в Управлении, в обеденный перерыв посетил... На время обошлось, а весной девяносто четвертого попал под сокращение. Попал в кадр и был уволен еще один наш товарищ, начались неприятности по службе у участкового милиционера Вячеслава Пушина. Оба часто помогали поддерживать порядок на митингах и демонстрациях.

В конце сентября я оформил отпуск и мог круглые сутки находиться в гуще событий.

По вечерам в здании облсовета становилось особенно оживленно – собирались коммунисты, казаки атамана Туманова, представители Русского национального собора во главе с Олегом Князевым и многие не примкнувшие ни к какой организации, но патриотически-настроенные граждане. Все стремились внести свой посильный вклад в организацию общей работы. И все серьезно опасались попыток незаконного правителя

области Соловьева силой разогнать Совет, захватить здание – тусовка нетрезвых молодчиков криминального вида возле соловьевской резиденции не ускользнула от нашего внимания. Стояла задача – организовать круглосуточное дежурство достаточно многочисленных групп людей, готовых оказать решительное сопротивление противоправным действиям. Общими усилиями такое дежурство было организовано. Многие товарищи, отдежурив ночь, утром уходили на работу, поэтому отдыхали по очереди на сдвинутых стульях, грызли принесенные батоны, наскоро запивая их чаем.

Участие в дежурстве принимали люди самых разных идеологических ориентаций, но в общем деле быстро сдружились, и отношения были, без преувеличения скажу, братские, настроения созвучные, любой диссонанс легко обнаруживался. Так, сразу был выявлен и неуклюже ретировался посланец от ельцинистов, который, придя, якобы, поддержать нас, сразу же принялся расспрашивать, а где сейчас Сумин, – в Совете или дома, или в Москве – в Верховном Совете. Ему сказали: везде, так и передай хозяевам!

Круглосуточные дежурства не привели к ослаблению агитработы вне стен Совета, напротив, коллективное обсуждение ее форм и методов подхлестнуло фантазию, мобилизовало на действие. Конечно же, нередко появлялись и неосуществимые идеи, заманчивые, но оторванные от реальных возможностей. После горячих дискуссий, с глубоким сожалением приходилось от них отказываться. В этих случаях сохранить чувство меры и товарищеского уважения между оппонентами помогала холодная рассудительность Юрия Холицигина, который часто появлялся «в штабе» днем и всегда вечеровал допоздна.

А в Москве ситуация накалялась – вести оттуда поступали одна тревожнее другой. Вокруг здания Верховного Совета была установлена блокада, с крыши окружающих зданий провокаторски стреляли снайперы из президентской охраны и иностранных спецслужб, прикомандированные для поддержки ельцинского государственного переворота. Информацию об этом мы регулярно получали из Верховного Совета и московских штабов своих организаций, обменивались информацией с Советами других областей. Все области, с которыми удавалось устанавливать связь, поддерживали Верховный Совет. Особенно активно вели себя новосибирцы.

В то же время, надо сказать, очень удивляли особенности позиции большинства депутатов нашего облсовета: «демократы» не в счет, с ними все ясно, но остальные, нормальные советские люди – казалось бы, именно им должна была принадлежать главная роль в организации протестных акций и помощи Верховному Совету. Однако не рвались народные избранники в бой, не толпились в коридорах здания. Отголосовали и разошлись-разъехались. В те трагические дни постоянно находиться в Совете хватило мужества двоим из них: Александру Саломаткину и Валерию Сударикову. К ним в кабинеты приходили мы со своими предложениями, получали советы и поддержку. Активно участвовала в нашей работе и народный депутат Людмила Попова. Но это единицы. Большинство же депутатов в эти напряженные и трагические дни оказались не у дел и, очевидно, не случайно. Наши попытки более позднего времени привлечь их к активной политической работе в рядах Коммунистической рабочей партии или движения «Трудовая Россия» успехом не увенчались. А жаль, ведь именно эта пассивная, выжидательная позиция большинства в общем хороших, порядочных людей привела к трагическим событиям августа 91 года, к черному октябрю 93-го и целой череде больших и малых бед, задевших каждого из нас, отдавших страну во власть криминально-бюрократического беспредела.

* * *

Завершаю размышления о событиях 93 года (и не только о них) беседой с председателем совета движения женщин нашей области Людмилой Александровной Поповой. Она обещала написать, но так и не сделала этого. «Очень тяжело все это переживать заново», – объяснила по телефону. Тогда я предложил встретиться с ней и записать ее рассказ на диктофон. Она согласилась.

Несколько слов о Людмиле Александровне. Знаю ее давно, ценю и очень уважаю. Она красива и привлекательна внешне, а главное, покоряет своей прекрасной душой. В начале 90-х была депутатом областного Совета, возглавляла фракцию коммунистов в нем. Безусловно, ей есть о чем рассказать. И после поражения в 93-м она не отчаялась, не отстранилась от активной деятельности. На выборах в представительные органы власти победила своих соперников и вновь стала депутатом Законодательного собрания второго созыва. В конце 90-х даже была избрана заместителем председателя Законодательного собрания. Хорошо помню ее на этом посту. Однажды пришел в день ее юбилея. Приемная полна мужчин – руководители силовых структур, артисты, художники, поэты, друзья. Все пришли, чтобы поздравить ее с юбилеем. В день 50-летия большой просторный кабинет был наполнен цветами. Не каждой примадонне вручают столько цветов ее поклонники! И такое поклонение перед этой женщиной не случайное. В ней бурлит огромная созидательная энергия. От нее заряжаешься оптимизмом и надеждой, хотя на очевидные проблемы, существующие в нынешней России, она смотрит объективно, с пониманием и огромной внутренней болью. Впрочем, в этом вы убедитесь сами, познакомившись с нашей беседой.

ВСЕМ СТРАХАМ ВОПРЕКИ

Беседа с Л.А. Поповой

ПОПОВА: Как я стала депутатом? Работая на заводе «Сигнал», я отличалась активностью в общественной деятельности.

АВТОР: «Сигнал» – это оборонное предприятие?

ПОПОВА: Да.

АВТОР: Как вы там оказались?

ПОПОВА: Я была направлена туда как молодой специалист после трубного института, где работала инженером.

АВТОР: У вас инженерное образование?

ПОПОВА: Да, я закончила ЧПИ, энергофак, причем с отличием. Так вот я была инженером, старшим инженером, начальником лаборатории, зам. главного метролога. Вот таковы этапы моего трудового пути. Работала достаточно активно и в профсоюзе. А потом получилось так, что сам главный метролог предложил мне создать партийную организацию. В то время это было престижно – каждой структуре иметь парторганизацию. Это было в самом начале перестройки. На волне перестройки я вступила в партию. А потом началось... Я не хочу ни о ком говорить плохо, тем не менее, для меня было так больно, когда в 90-м году произошло следующее. Начальник отдела, он же главный метролог, ушел в отпуск, я осталась вместо него. И случайно по производственным делам заглянула в его стол, а там – заявление: «Прошу исключить меня из партии». Вот это было для меня настолько шокирующим, и вообще такой претендент с главным специалистом оборонного предприятия в то время был очень редкий. Он вышел из отпуска, убеждал нас вместе с ним выйти из партии, раз такая ситуация в стране разворачивается: на партию уже начались нападки, коммунистов обвиняли во всех смертных грехах. Но никто из нас – ни я, ни кто-либо другой из специалистов – не последовали его примеру. Естественно, это внесло какой-то диссонанс в нашу совместную работу, тем не менее, я как была депутатом, так и осталась. А почему я стала депутатом? Думаю, в силу своей общественной активности. Это были первые выборы с альтернативными кандидатами. В избирательный округ, в который входил поселок Сельмаш, это, по сути, все жители, которые работали на заводе. Меня здесь все знали, хотя я не жила в этом поселке – в то время жила в Копейске. И так получилось, что 87 процентов проголосовали за меня. Во время выборов я не потратила ни копейки. По нынешним временам, это абсурд: как такое могло быть? А вот было. Выдвинул завод, сработала система поддержки кандидатуры, причем все поработали на совесть.. Вот эта система выдвижения трудовым коллективом была одной из основных форм народовластия: знали человека по работе и выдвигали.

Так вот, став депутатом областного Совета, я одна из немногих стала сопредседателем фракции коммунистов в областном Совете. Другим сопредседателем был Роберт Иванович Иванов, депутат от трубопрокатчиков.

АВТОР: Сколько коммунистов было в вашей фракции?

ПОПОВА: Вообще-то коммунистов в Совете было много. Другое дело, не все во фракцию входили. Я помню, Алексеев, тоже бывший коммунист, с трибуны выступает: «Вас, коммунистов, надо за ноги вешать!» Я выступала оппонентом всех этих перевертышей.

И когда прошел так называемый августовский путч, мы, коммунисты, собрались в малом зале. Помню, тогда я выступила с резкой критикой в адрес Алексея Потаповича Литовченко: «Почему молчали? Почему коммунисты чего-то ждали? А это молчание можно расценить как предательство». В силу партийной дисциплины, глубокой порядочности многое из того, что знал, Литовченко не говорил нам. И вот потом в отношении Литовченко я испытывала чувство вины. Мы же многое не знали: какая махина надвигалась на Советский Союз! И что самое страшное, верхушка уже была пятой колонной, и вот именно она сделала для разрушения страны больше, чем все западные спецслужбы и сионистские силы.

АВТОР: Они сами явились инициаторами разрушения.

ПОПОВА: Конечно.

ПОПОВА: Но какая им была выгода от этого, какую цель преследовали? Ведь они были у власти и пользовались всеми благами.

ПОПОВА: Понимаете, они же не имели права по Конституции, по тому общественному сознанию взять столько, сколько могли взять на Западе. А это было настолько заманчивым для них. Гайдар в этом отношении – самая что ни на есть показательная фигура. Воспитывался в семье, где дед – комиссар, любимый детворой писатель. Но я слышала по радио выступление его одноклассницы, которая говорила: «Какой это был сноб в классе!» А теперь мы можем предполагать, а на самом деле оно так и есть: обучаясь на Западе, получая определенную подпитку, преклоняясь перед западными ценностями, индивидуализмом («Я умный, а все остальные – быдло!»), он и стал таким. Стремление к богатству, а самое главное, индивидуализм, ярко выраженный: «Я умнее, я ценнее!» Ценности – я добрее, я человечнее – в данной категории не признаются. Вот и задаешь себе вопрос: «А насколько человеческая сущность подвластна изменениям?» Я считаю, что подвластна. Я принадлежу к той категории, которой было большинство. Я начинала с низов, которые идеи коммунизма воспринимали в полной ее сути. Потому что коллективизм, соборность, общинность – через это все мы проходили. Дружба, сказать человеку правду в глаза – этим всем мы жили. А там, наверху, жили совсем другими категориями. И вот это стремление оказаться у власти, вступить в партию, потому что от нее можно что-то взять – в конечном итоге и погубило партию. Это на мой взгляд. Ведь рухнула величайшая по форме цивилизация! За всю историю человечества такой цивилизации не было. Она напоминала собой Атлантиду, может быть.

Став депутатом, я значительно расширила свой кругозор. Я не была освобожденным депутатом. Я работала, приезжала в облсовет только на сессии, на заседания фракции. Я настолько расширила свой кругозор, что события августовские воспринимала в той истинной сути, как оно и было. Что это никакой не путч против народа, что это защита тех ценностей Конституции, которые действовали. Но не теми людьми, которые для этого требовались, недостаточно последовательными в своей решимости, как диктовало время. Помню, после тех драматических событий я выступила на заседании областного Совета и такую фразу сказала: «Последствия этих событий мы будем переживать еще не одно десятилетие». Но даже тогда я еще полностью не осознавала, к чему все это приведет, к какой разрухе.

Мой внутренний мир, мои убеждения заставили меня осознанно принять участие в активном сопротивлении. В 1992 году я вступила в Российскую коммунистическую рабочую партию – КПРФ еще не существовала, а КПСС была запрещена. В Москве шел Конституционный суд, на котором рассматривался этот вопрос. Не все шло гладко.

Секретарь партийной организации района, который работал на нашем заводе, который рекомендовал мне вступить в РКРП, как только я была принята, ушел от активных дел, взвалив все на меня. Это было с его стороны предательством. Ушел и все. Ни на какие контакты не шел, ни на какие звонки не отзывался. А потом меня официально избрали секретарем районной партийной организации. Мы не делились на тех, кто более левые или более решительные. У нас была объединенная организация. Мы объединились на позициях социальной справедливости, и были готовы активно работать в этом направлении. В тот момент активистов было очень много. У людей в душе просто хлопотало от несправедливости, которая валом хлынула на народ.

А девяносто третий год мне вспоминается как важное сражение, которое, к сожалению, люди прогрессивного направления тогда проиграли. Помните, первое событие – референдум по жизненно важным вопросам. Я помню, как средства массовой информации внушали людям, как надо голосовать. Была даже сочинена песенка с припевом: «Да, да, нет, да! Голосуй: да, да, нет, да!» Я тогда раздавала на заводе выступление Александра Руцкого, который утверждал, что имеет 11 чемоданов компромата против ельцинистов. Но, к сожалению, машина государственная была настолько раскручена, что народ был одурманен. Он не проголосовал и против президента, но он не проголосовал и против депутатского корпуса. СМИ пытались трактовать, что выиграл президент, но итоги референдума таковы, что народ проголосовал за ту форму представительной власти, которая была в форме Советов.

Помню, в тот момент я получила предложение от Валентина Ивановича Буравлева (он был главой Ленинского района), чтобы я взяла отпуск без содержания и поработала в избирательной комиссии. Ясно для чего, чтобы я вошла в курс избирательных технологий. Тогда я со многими познакомилась. А летом 93 года он предложил перейти из оборонного завода, где был очень строгий режим работы, в муниципальное предприятие, чтобы я имела больше свободного времени.

И вот летом 93-го я получила приглашение от женщин-депутатов Моссовета (а они разослали его по всей стране) принять участие в патриотическом форуме женщин России. В силу моей позиции руководство областного Совета предложило ехать туда мне. Я поехала в командировку, официально, как депутат областного Совета. Они тоже проводили этот форум открыто, потому что имели статус органа государственной власти. Я там послушала Сажи Умалатову, других женщин о том, как расстреливали мирную демонстрацию 1 Мая, как мужчины во власти настолько находятся в состоянии военных действий, что вопрос, как решить конфликт мирным путем, вообще не рассматривался. И мы приняли обращение: женщины, давайте объединимся и поможем стране войти в мирное русло. Но наше обращение осталось благим пожеланием. В целом 93-й год мной воспринимался как год военных действий.

АВТОР: Он и был таким: это расстрелы, разгоны мирных демонстраций, дубинки.

ПОПОВА: Я приехала из Москвы, дала интервью Людмиле Николаевне Опалевой для газеты «Народная Дума», и мы начали работать по созданию патриотической организации женщин Челябинской области. Опирались в основном на депутатский корпус женщин и на самую крупную женскую организацию – женсоветы. В то время их возглавляла Татьяна Владимировна Алексеенко. Конечно, было сложно, потому что Алексеенко работала в структуре Управления социальной защиты населения. «Союз женщин России» сотрудничал с Шумейко. Помните, тогда Шумейко опекал женщин. Но все равно мы с Зинаидой Семеновной Савостиной летом провели первый этап учредительной конференции. Теперь надо было до конца пройти этот путь. На 22 сентября мы наметили провести второй этап нашей конференции, а 21-го Ельцин издал свой Указ № 1400.

Помню, неделей раньше мы собрались у Саломаткина. Я – ему: «Александр Сергеевич! Дайте помещение для проведения конференции». Он: «Иди к управляющему облсовета Косилкову». Захожу к Косилкову, а там сидит Смирнов – депутат Верховного Совета РСФСР, начальник УВД области. Видимо, они обсуждали, что творится в Москве. А тут подхожу я и предлагаю: «Давайте проведем женскую конференцию». Они

посмотрели на меня с удивлением. Андрей Николаевич говорит: «Ради Бога, конечно, проводите». Прошло всего несколько пять дней и, как гром среди ясного неба, – этот Указ. После него ни о какой конференции, разумеется, не могло быть и речи.

АВТОР: Все депутаты оказались, как говорится, вне закона.

ПОПОВА: Да, та программа, которую мы наметили, чтобы все женские структуры работали под началом депутатов, рухнула. Здесь назревает вопрос: «Почему же коммунисты не выступили в свое время и депутаты с оружием в руках не защищали Советскую власть?» Надо признать, что активную позицию занимали немногие. Тех, которые взяли под охрану областной Совет, тех, которые писали воззвания, тех, которые ходили в народ и объясняли, что Ельцин издал антиконституционный Указ и он не подлежит исполнению, – таких, к сожалению, были единицы.

АВТОР: Сколько тогда было депутатов областного Совета?

ПОПОВА: По-моему, 360.

АВТОР: А в Челябинске сколько депутатов?

ПОПОВА: Человек 50.

АВТОР: Насколько я помню, в областной Совет приходили в те дни единицы. Если бы все 50 появились, это была бы внушительная сила.

ПОПОВА: К сожалению, слаб человек, я только так могу объяснить. И вот эта слабинка человеческая, она дает такую глубокую трещину в последствии, которая потом еще не в одном поколении аукнется.

АВТОР: А вы помните, примерно неделю спустя после Указа в Челябинске была проведена внеочередная сессия областного Совета депутатов всех уровней, в том числе и депутатов городских и районных Советов? На ней было принято решение в поддержку Верховного Совета. Это хоть и моральная, но была какая-то поддержка.

ПОПОВА: Я согласна, что это легитимная форма протеста. Есть легитимная, или цивилизованная, но есть и активная. Между легитимной и активной разница как между небом и землей. Вот сейчас выступают антиглобалисты. Я считаю, что это, хотя и не цивилизованная, но активная форма протеста, она набирает все большую и большую силу и получает все большую и большую поддержку у населения всего мира. Этому надо учиться. За время Советской власти, наверное, атрофировались активные позиции, которые были у наших дедов, совершивших революцию. К сожалению, это надо признать.

АВТОР: Да, вы правы. Ведь как выражалось волеизъявление народа? Это собрание, голосование, а взять булыжник – орудие пролетариата – об этом уже позабыли.

ПОПОВА: Воспитательный процесс, идеологическая работа, которая должна быть основой всей деятельности КПСС, – этого не проводилось. КПСС была встроена в структуру государственной власти, а свою основную задачу она не выполняла. И в КПСС порой шли для того, чтобы по ступенькам государственной власти достичь чего-либо: сделать карьеру, получить квартиру или какие-то льготы.

И вот так вышло, что в 93-м году в сентябре, когда получаю информацию о том, что Верховный Совет оцеплен проволокой Бруно, которая запрещена мировым сообществом для применения, что в Доме Советов отключили свет, воду, канализацию, можно понять мое эмоциональное состояние: я не могла даже есть. Я представляла, что там творится, и у меня было такое внутреннее сопереживание, такое сострадание с теми людьми, которые находились там. Помню еще такое. Мы назначили партийное собрание Ленинского района на 3 октября. Собрались в актовом зале администрации, это благодаря тому, что глава района Валентин Иванович Буравлев четко определил свое отношение ко всем этим событиям, он был с нами до конца. Ведем обсуждение текущего момента, забегают одна из участниц собрания: «В Москве стреляют!» Вот это «стреляют!» было для всех нас шоком.

Спустя год я столкнулась с таким фактом. Ехала в автобусе, давили со всех сторон. Люди возмущались ростом цен, дороговизной жизни. Я вставила реплику: «А что вы хотите? Вспомните, как в октябре прошлого года расстреляли Верховный Совет!» – «В каком октябре? Когда это было?» – «В прошлом году». Люди не то что забыли, они даже

пропустили мимо своего сознания и, к сожалению, таких немало, для которых события 93 года – разгона высшего представительного органа государственной власти, антиконституционного Указа президента – прошли мимо. И так становится больно от того, насколько страшным бывает мещанство.

АВТОР: Я помню, 4 октября, когда танки расстреливали Верховный Совет, я вышел на площадь Революции, а здесь был базар, он был весь полон народу, кругом очереди. Все только думали о куске хлеба, о том, что лично ему надо, и никто в знак протеста даже не плюнул в адрес Ельцина, возгласа возмущения не подал в адрес сволочей, ведь своих же расстреливали!

ПОПОВА: Вот это мироощущение мещанского бытия, горько сознавать, но у многих было. Вспоминаю первую приемную, где сидел Сумин, – тогда еще было двоевластие и Петр Иванович вынужден был располагаться в здании областного Совета. Так вот в первой приемной по телевизору передают: Растропович играет на Красной площади. С тех пор, как увижу, что играет Растропович, у меня все сжимается внутри, думаю: что случилось на этот раз? А тогда вышел от Петра Ивановича Уткин. В то время я была депутатом областного Совета, а он – глава Копейска. Я подхожу к нему: «Ну, как дела, Владимир Петрович?» Он даже не смог ответить – в таком был подавленном состоянии.

И еще помню такой момент. Когда уже был разгромлен Верховный Совет, а у нас в областном Совете проходило узкое совещание оппозиции. Мне кажется, вы там тоже были.

АВТОР: Да, я присутствовал.

ПОПОВА: Сейчас, может быть, все это воспринимается несколько наивно и романтично, а тогда, помнится, всерьез предлагали: подпольную типографию организовать, создать рабочие дружины и т.д. О положении в Москве Петр Иванович наверняка знал больше нас как депутат Верховного Совета, он осознавал всю глубину трагедии. Когда кто-либо что-то предлагал, он лишь кивал головой: «Да, да, да». Я думаю, при его знании всей сложности проблемы вот такая активная позиция людей, принимавших участие в этом мини-совещании, наверняка побудило его к мысли, что надо создавать народный фронт или движение, которое потом было названо «За возрождение Урала». Инициаторами его были, на мой взгляд, участники этого совещания. Это были первые толчки, первые шаги, первые мысли, вбрасываемые Петру Ивановичу. И он тоже ощущал, что есть костяк, на который можно опереться, потому что, мне кажется, последнее десятилетие XX века можно считать в России веком предательства. И это уже считается нормальным явлением, это считается умением жить, умением вписаться в эту систему, быть благоразумным. Ну, что тут говорить, слаб человек.

На следующий год была демонстрация, посвященная Октябрьской революции. В силу каких-то обстоятельств я оказалась рядом с Юрием Ивановичем Холщигиным, мы на трибуне стоим. Ко мне подходит какой-то мужчина и просит: «Прочитайте вот это стихотворение! Прочитайте, умоляю вас!» И я прочитала.

«Расстреляли Россию из танков,
Расстреляли Советскую власть.
И на куче людских останков
Людоедская власть упилась...»

АВТОР: Это стихотворение вам передал полковник запаса, фронтовик Леонид Иванович Аксенов. Он читал нам эти стихи – на партийном собрании, на митингах. Эти стихи прислал ему фронтовой друг, а он распространял их в Челябинске.

ПОПОВА: Это стихотворение, на мой взгляд, имеет не только большое общественное и эмоциональное звучание, оно еще и в художественном плане ценно. Вот вслушайтесь в эти раскатистые строки:

«Расстреляли Россию из танков,
Расстреляли Советскую власть...»

Тогда я прочитала эти стихи с таким накалом, что не забыла по сей день. Такое остается на всю жизнь.

Когда погружаешься в такие воспоминания, всегда задаешь себе вопрос: «Какой выход из той ситуации, в которую попала Россия?» Ну, надо мыслить категориями масштабными. Вчера по телевидению говорят: в Америке свет отключился – произошла техногенная катастрофа, в другой точке земного шара тоже случилась авария. Весь мир погружается в какой-то хаос. Так вот, на мой взгляд, нам в России надо сохранить тот внутренний потенциал, который всегда, в любой ситуации, при любой катастрофе был присущ русским людям. Русские, как Иванушка-дурачок, свой ум не показывают, скромны, сохраняют свое внутреннее состояние. Они могут преодолеть все. Но самое главное, чтобы было общение, общинное мироощущение.

Я сейчас люблю читать газету «ЗОЖ» («Здоровый образ жизни»). Не потому что там рецепты от болезней, а потому что она несет ощущение общинного бытия: мы друг другу помогаем. Конечно, она далека от политических обобщений, тем не менее, прослеживается такая мысль: сверху власть давит на людей, а мы создаем свой микроклимат, создаем свое бытие. Трудно нам, но мы в общении с природой, в общении друг с другом, благодаря передаче опыта жизни от одного к другому сохраняем свою суть.

АВТОР: Я знаю, что вы – активный член клуба «Оптималист» – это на бытовом уровне и руководитель областного совета движения женщин нашей области. Вы обмолвились о том, что вам не удалось собраться 22 сентября 93 года, а потом-то вы все-таки собрались!

ПОПОВА: Знаете, идея объединения женщин подспудно жила во всех нас. И позднее, когда я стала депутатом областного Законодательного собрания, не раздумывая, я сразу решила посвятить себя объединению женщин. И вот в мае 97 года мы провели первые депутатские слушания по вопросу: «Проблемы семьи, материнства и детства». Тогда открытым текстом было сказано, до чего довела федеральная власть, в том числе и областная в лице Соловьева, который говорил: «Если вам нечем кормить детей, не рожайте!» А в сентябре 97 года женщины, которые разделяют наши взгляды, были приняты губернатором области Петром Ивановичем Суминым. Вот тогда-то мы подняли вопрос: как объединить всех женщин в одно мощное женское движение по защите семьи, материнства и детства? Так родилась идея формирования того, что мы сейчас называем движением женщин Челябинской области. В Уставе у нас четко заложено: эффективно взаимодействовать с органами власти по продвижению женских инициатив, которые касаются защиты семьи, материнства и детства. В связи с этим хочу сказать: да, в этой части мы тесно взаимодействуем с местной властью и будем впредь взаимодействовать, но одновременно будем ставить под контроль принятие тех или иных решений по той проблематике, которую называем «сохранение семьи».

АВТОР: Нынешняя областная власть помогает вам?

ПОПОВА: Я хочу сказать, что со стороны Петра Ивановича Сумина мы получаем абсолютную поддержку во всех наших начинаниях. Женщины Челябинской области, которые активно работают в областном совете женского движения, искренне благодарны Петру Ивановичу за такую позитивную, нравственную позицию. Ибо вообще все в обществе оценивается по отношению к женщине и детям.

АВТОР: Должен заметить, что Петр Иванович, как никто другой из губернаторов, защищает социальные интересы трудового человека.

ПОПОВА: Я хочу сказать, что наша работа продолжается. Может быть, не в такой обостренной форме, какой она была в 91-м и 93-м годах, но мы стремимся выразить свое отношение к происходящему, оказать посильную помощь людям или в продвижении законодательных инициатив. Вот, например, за последние годы отменили звание матери-героини. А я считаю, это одно из ярких достижений Советской власти. Придя к власти, демократы решили: «Уберем эту систему!» И все женщины, которые имели почетное звание матери-героини, ордена и медали, лишились всех льгот, которые были прописаны при получении этой награды. А во-вторых, многодетные матери фактически оказались без внимания со стороны государственной власти: как хотите, так и решайте свои проблемы! Так вот в 99-м году мы провели эстафету материнского подвига. Петр Иванович принял сто матерей, которые воспитали достойных детей. По два человека с каждого города и

района были на этом приеме. Мы неоднократно писали о возвращении звания матери-героини. У нас есть справочник «Женские организации России». Так мы написали всем руководителям достаточно крупных женских организаций: «Поддержите нашу инициативу!» Сначала из Министерства труда и социального развития пришло, знаете, какое письмо: «Так много льгот, так много льгот! Возвращаться к прошлому не будем». А через некоторое время через депутатов Государственной думы мы снова инициировали этот вопрос. Депутат от Челябинской области Михаил Гришанков пишет нам в ответе, что в принципе в Комитете по проблемам семьи, материнства и детства, который возглавляет Светлана Горячева, этот вопрос рассматривается. А потом еще пришло из Министерства в Комитет сообщение, что этот вопрос в стадии обсуждения.

АВТОР: Так пока еще этот вопрос не решен?

ПОПОВА: Нет, еще не решен. Разрушить проще пареной репы, а вернуть какую-то социально значимую льготу – у властей нет денег. Эта позиция порочна. Ищите, на то вы и власть! Приходится инициировать общественное мнение.

Сейчас я работаю председателем комитета по семейной политике в Управлении социальной защиты населения. На днях в приемную вошла женщина – мать пятерых детей, спрашивает: полагаются ли ей льготы? То есть наша инициатива уже на слуху. Мы работаем в этом направлении, пишем, обращаемся. Я думаю, все равно продадим это.

АВТОР: Я помню, будучи заместителем председателя Законодательного собрания, вы организовали волнующую встречу с матерями, у которых погибли сыновья в Афгане или в Чечне. Вы участвовали в улучшении их бытовых условий. Это тоже работа вашего совета?

ПОПОВА: Да, наш совет работает во многих направлениях. У нас четко выстроена схема. Во-первых, защита социальных прав работающих женщин. Мы заключили соглашение с профсоюзами о том, чтобы взаимодействовать в этом направлении, чтобы женсоветы предприятий принимали активное участие в подготовке коллективных договоров и прописывали в них позиции, которые защищают их права. Надо прямо сказать, что Трудовой кодекс на государственном уровне свел до минимума возможности защиты прав женщин. До минимума, дальше некуда! Остальное все оставлено за предприятиями: если вы добьетесь – ваше дело, а не добьетесь – ваша беда. В этом вопросе мы выходим на женсоветы предприятий. Я думаю, эта форма работы будет иметь достаточно серьезное продолжение на перспективу, потому что рост бедности как факт присутствует в нашем обществе.

Следующее направление – это работа с солдатскими матерями. Военные действия в Чечне вновь вернули нам понятие: солдатские матери. Это защита их социальных прав, взаимопомощь. И в этом вопросе низайший поклон Петру Ивановичу Сумину. Все наши проблемы, все вопросы, по которым к нам обращаются, на областном уровне решаются. Это четко под его контролем.

Недавно в одной из газет прочитала: в человеческом сознании существует семь условий страха: страх потерять работу, страх потерять ребенка, страх быть убитым и т.д. Вот это состояние страха угнетает человека, все его внутренние резервы, по сути дела, приводит человека к тому, что он абсолютно не может сопротивляться. Все эти проблемы валом на него надвигаются. Мы и взяли под свою опеку все те клубы, которые существуют, особенно семейные. В Копейске с 92 года существует клуб «Эдельвейс». Он занимается туризмом, но это семейный клуб. Бабушки и дедушки – первое поколение, их дети – второе и внуки – третье. Пожалуйста, члены этого клуба облазили почти все горные вершины нашей области. Я сама ходила с семьей в горы и прекрасно понимаю, что это значит: Какое радостное ощущение – преодолеть трудности! А потом сколько воспоминаний! Вот оно – формирование здоровой семьи. Дух взаимодействия, взаимопомощи, взаимоподдержки. Этот клуб и подобные ему мы всячески поддерживаем. А это все, думаю, помогает формировать позитивное мышление при нынешних сложных условиях.

АВТОР: По вам, Людмила Александровна, не скажешь, что вы – пессимист, что поддаетесь хандре. Видимо, семь условий страха, которые существуют в окружающем

мире, бессильны оказать воздействие на вас. Или вы нашли систему защиты и противодействия всему этому?

ПОПОВА: Нашла защиту, причем, прежде всего, в том, что купаюсь в проруби. Холодная вода снимает все стрессы. Это вопрос, как говорится, физической защиты. А еще есть и система защиты духовной. Я не скрываю, что с большим чувством трепета езжу в Сергиев Посад, посещаю Лавру, общаюсь с людьми высокого духовного уровня. Там я сделала для себя открытие: сколько в мире было всяких бед, а Лавра стояла, стоит и будет стоять вечно. И это вселяет чувство такой уверенности, несмотря ни на что. То, что мы называем чувством русского человека, – это вера внутренняя, духовная, христианская, вера в человека. Недаром слово «христианин» звучит почти так же, как и «крестьянин». То есть это человек, который связан с землей. Это только в России такое почитание Христа.

АВТОР: Людмила Александровна, рассказав так много, вы почти ничего не сказали о своем участии в событиях 93 года. А ведь вы выезжали на заводы, встречались с трудовыми коллективами, призывали их встать на защиту Советов.

ПОПОВА: Да, да. Вы знаете, почему мне трудно вспоминать об этом? Потому что я испытываю такую боль, такую горечь! Настолько с открытой душой шла я к людям, надеялась, что их сознание будет открытым навстречу моей душе. Хотелось услышать от людей: да, мы за то, чтобы была справедливость, мы против Ельцина. Но в ответ чаще всего чувствовала настороженное молчание. Видимо, чувство страха было сильнее разума. А когда в 96-м году были выборы президента и когда, как член избирательной комиссии, я увидела результаты голосования, со мной был шок, со мной произошел нервный срыв.

АВТОР: То же самое испытал и я.

ПОПОВА: Конечно, можно сказать о том, как я выходила на радио «Новая волна-2», выступала с обращением к населению. Я делала все, что было в моих силах, на что была способна. Но открытость моей души, к сожалению, не нашла отклик в сердцах тех, перед кем, по сути дела, я обнажалась.

АВТОР: Ну да, вы тогда откровенно говорили, что защищаете Советскую власть и будете стоять до конца. К сожалению, так нас и не поняли.

ПОПОВА: Сейчас, конечно, левеет сознание. Большинство населения мысленно возвращается к советским временам с большим позитивом. Даже если взять киноискусство, то наиболее честные и талантливые режиссеры берут за основу произведения советского времени. Возврат к прошлому с позитивным ощущением просматривается. Другое дело – успеет ли созреть общественное сознание до полного разрушения России? Такие опасения существуют. Я откровенно поделюсь своей тревогой: когда происходит реформирование железной дороги, единой энергосистемы, к чему это приведет? К полному разрушению связей на огромной территории, которая называется Россия. Это тоже происходит целенаправленно. Я помню, как Галина Старовойтова заявляла: «На территории Советского Союза должно быть пятьдесят демократических государств!» И вот к этому они стремятся, к этому идут. Наше объединение женщин для того и существует, чтобы взять под контроль действие депутатов. Я прямым текстом говорю: будем брать под контроль действия депутатов в решении тех или иных социальных вопросов. Потому что наши женщины уже перестали рожать. А это в России важнейшее условие сохранения семьи, населения и самой России.

* * *

Нашу беседу прервал телефонный звонок. И после него мы еще долго говорили о том, что нужно сделать для того, чтобы сохранить наше Отечество, семью, русский народ. Обо всем этом Людмила Александровна говорила с внутренней болью в сердце и душе. Невольно чувствовалось: все, о чем она говорит, давно наболело. А главное, она не только обращает наше внимание на кровоточащие раны России, но и сама делает многое для того, чтобы залечить их. Такова ее цельная и созидательная натура.

А ЖИЗНЬ ИДЕТ...

Эпилог

Вечером 3 октября, когда в Москве горели верхние этажи Дома Советов, когда по его окнам стреляли осколочными и термитными снарядами продажные “защитнички”, когда те, кто остался в Доме Советов в живых, выбросив белый флаг, шли по щиколотку в крови погибших и раненых друзей, здесь, в Челябинске, на Алом поле, вопреки строжайшему запрету российского пиночета и послушных местных властей, мы провели часовой митинг. Сам глава города Челябинска Вячеслав Тарасов звонил нам в Комитет по защите Конституции и просил отменить митинг. Мы не сдавались. Успели передать по радио, что информационную встречу о событиях, происходящих в Москве, проводим на площади Революции, сбор у ТЮЗа в 18 часов. Единственное, в чем мы уступили властям: перенесли митинг с площади Революции на Алое поле. И мы его провели, несмотря на угрозу ареста! Напрасно пару месяцев спустя известный кинорежиссер Станислав Говорухин в одном из своих предвыборных выступлений упрекнул россиян: “В октябре Россию и ее лучших сынов расстреляли, но ни в Москве, ни в провинции никто не вышел с протестом против этого злодеяния”. У нас в Челябинске, как, думается, и в других городах, люди вышли на улицы и площади. Более ста человек собрались хмурым октябрьским вечером возле ТЮЗа и организованно прошли на Алое поле. Здесь, перед памятником Ильичу, читали стихи, только что написанные, произносили короткие речи, в которых гневно клеймили позором жестокого палача Ельцина и его холуев-прислужников. Мы были окружены плотным кольцом милиции, но никто из них не посмел прервать ораторов и разогнать наш траурный митинг. В своем страстном заявлении Галина Фоменко, председатель клуба друзей “Правды” и “Советской России”, заявила: “От этого чудовищного преступления еще содрогнется наша земля русская. Будьте трижды прокляты, убийца Ельцин и те, кто ему помогал расстреливать ни в чем не повинных людей!”

После митинга по Российскому телевидению передали, что в Челябинске коммунофашисты провели несанкционированный митинг и что его организаторы уже арестованы. При этом назвали мою фамилию. Мы, организаторы митинга, находились в квартире Галины Фоменко, пили чай и громко обсуждали только что происшедшее. Прослушав информацию о нашем митинге и моем аресте, Галина Георгиевна не выдержала:

– Вот врут, негодяи!

– А может быть, завтра арестуют, – предположил Борис Мочалов. – На всякий случай, поедem ко мне ночевать...

Но меня не арестовали ни завтра, ни послезавтра. Даже не вызывали в прокуратуру. А сообщение об аресте, думается, передали для острастки других: пусть боятся!

В тот стылый октябрьский вечер над Россией опускалась мрачная тень фашизма. Но те люди, которые, несмотря на запрет, пришли на митинг, у которых крепко сжимались кулаки, когда они узнавали о кровавых преступлениях наемников Сатаны, и многочисленные их единомышленники в конце концов не дали этой тени превратиться в сплошную зловещую ночь.

Спустя девять дней после расстрела, по православному обычаю, тысячи челябинцев собрались возле здания областного Совета. Построились в колонны по четыре человека, затем по площади Революции и тротуару улицы имени Цвиллинга прошли к Вечному огню, чтобы почтить память павших. Это был самый мощный за десять лет митинг. В руках многих из собравшихся были горящие свечи. У меня сохранились фотоснимки того события, они до сих пор впечатляют. Выходит, простые труженики не испугались ельцинизма, они-то и не допустили его.

Именно в те дни я написал стихотворение “Живу в России”, которое в то время нигде не могло быть опубликовано. Размножив на ксероксе, я сам объездил многие автобусные и троллейбусные остановки и расклеил на столбах. Десятки листовок-стихов расклеил в подземном переходе на площади Революции. Они еще несколько недель висели там, где я их приклеил, свидетельствуя о том, что люди, не смирившиеся с мракобесием, были, есть

и будут всегда. Мне хотелось хоть как-то вселить в своих земляков уверенность, вызвать в них надежду и боевой дух. Я приведу эти строки, написанные по горячим следам октябрьских событий.

ЖИВУ В РОССИИ

И снова мрак,
И снова поражение.
На Русь пришла великая беда.
Мы проиграли главное сражение
За прошлые, грядущие года.

Живу в России,
Но не в той, рязанской,
Которую Есенин так любил.
Живу в России,

Но в холопско-барской,
Которую терзает всяк дебил.

А жизнь идет.
И утро брызжет синью.
Про наш конец, как прежде,
Врут и врут.
Не забывай:
Так повелось в России:
За битого небитых двух дают!

Да, после октября девяносто третьего уже не оставалось никаких надежд на возрождение нашей великой Родины – Советского Союза, мы уже жили в совершенно другой стране – не в нашей, а в их, словно под пятой оккупантов. По крайней мере, в первые месяцы именно такое ощущение я переживал. Мы встречались, общались, даже вместе с друзьями ездили на заготовку капусты (надо было как-то выживать в предстоящую зиму!), но говорить не хотелось, во время поездки больше молчали. Наши глаза были полны скорби, гнева и обиды. Именно таким запомнился мне октябрь девяносто третьего до самых его последних дней.

Но мы все-таки жили и уже этим не смирились с тем, что нам навязывал Ельцин. Хорошо помню первое собрание коммунистов Курчатовского района после всех описанных событий. Обычно мы собирались по средам, в красном уголке ЖЭУ-23. Пришли в очередную среду, а ЖЭУ закрыто. В красном уголке, как объяснили нам, – строительные материалы. Нам дали понять, что больше нас сюда не пустят. Мы перешли за ограду соседнего детского садика. Закрапал дождь. Укрылись под навесом, под ним и провели первое после расстрела собрание. Обсудили ситуацию, решили не сдаваться, не распускать парторганизацию, а напротив, сплотиться как можно теснее. Когда узнали, что один из членов бюро (полковник запаса, бывший преподаватель военного автомобильного училища), без ведома товарищей, боясь ареста, сжег ведомости по уплате партвзносов, мы возмутились, потребовали от него отчета: “Почему это сделали без нашего согласия?” Мы решили привлечь его к партийной ответственности за трусость и малодушие. Полковник больше не появился на наших собраниях. Никто об этом не сожалел...

Так вели себя истинные коммунисты и патриоты в ту тревожную расстрелянную осень. Мы продолжали жить, отстаивать свои права, бороться за свою судьбу и судьбу тех, кто шел нам на смену.

г. Челябинск.

Август 2003 года.

Об авторе

Анатолий Константинович Белозерцев – член Союза писателей России, с 1998 по 2001 годы возглавлял Челябинскую областную писательскую организацию. Сейчас он – председатель совета Уральской ассоциации писателей-патриотов. Автор четырнадцати книг прозы, публицистики и стихов. Книга “Расстрелянная осень” – пятнадцатая в его творчестве. Это – книга-солдат, книга-боец за лучшее будущее нашего Отечества.

Известный русский поэт, наш земляк Валентин Сорокин в газете “Патриот” (за август 2003 г.) так отозвался об А. Белозерцеве и его творчестве:

“Отменно работающ и наступателен Анатолий Белозерцев. Известнейший на Урале журналист, публицист, рассказчик, поэт, общественный деятель и неутомимый патриот России:

*“Нужна мне верность высшей пробы,
Чтоб друг не отводил глаза”...*

Рассказы и очерки, статьи и стихотворные зарисовки Анатолия Белозерцева лиричны, просты, слова и строки наполнены искренними чувствами и светлыми надеждами на лучшее. Ведь юность и зрелость Анатолия Белозерцева, весь уклад его раздумий и поступков сопровождался ощущением сиротства – отец погиб на войне, и потому он четок, верен: не юлит перед грабителями России, не алилуйничает перед купленными политиками. Бедность и горе, честность и достоинство – кредо, нажитое и пережитое, осмысленное ныне призванием:

*“Врагами предан был проклятью –
Но я уверовал в него
И шел за ним, как на распятье
Во имя Бога самого”.*

Виден характер и воля видна автора. Упрямый и справедливый, в дружбе надежный, Анатолий Белозерцев – один из руководителей Челябинской областной писательской организации, сумевший помочь ей и авторитетно передать ее в руки Сергея Семянникова, прочного и вдохновенного певца...”